

Новая литература
Кыргызстана
Кыргызстандын жаңы
адабияты

Крупнейшая
электронная
библиотека
произведений
отечественных
авторов

Главная / Художественная проза, Крупная проза / — в том числе по жанрам,
Драматические / — в том числе по жанрам, Бестселлеры / Национальный Союз
писателей рекомендует / Главный редактор "Новой литературы Кыргызстана"
рекомендует

© Турусбек Мадылбай, 2008. Все права защищены

Произведение размещено на кыргызстанском сайте с письменного разрешения
автора

Не допускается тиражирование, воспроизведение текста или его фрагментов с
целью коммерческого использования

Дата размещения на сайте: 5 октября 2008 года

Турусбек МАДЫЛБАЙ

ФЕНИКС

(фрагмент романа)

*Роман о жизни и смерти как нескончаемого потока событий. Эта книга о
будущем через призму прошлого и настоящего. Повествуя о жизни небольшого
провинциального городка, автор размышляет о власти, о правителе и народе, о
месте личности в истории. Слово птицы Феникс главный герой романа Орозкул
сжигает себя и возрождается в спасенном им ребенке*

Из книги: Мадылбай Турусбек.. Феникс: Роман. – Б.: Айат, 2008. – 228 с.

УДК 821.51

ББК 84 Ки 7-4

М 13

ISBN [978-9967-433-61-8](https://doi.org/10.1007/978-9967-433-61-8)

М 4702300100-08

Турусбек Мадылбай

ФЕНИКС

*О боже! дай мне сил глядеть без омерзенья
На сердца моего и плоти наготу...*

Шарль Бодлер

Сон первый: ПУСТЫНЯ

Останется только пустыня...

Ф. Г. Лорка

1

После продолжительных ливней сегодня впервые выглянуло солнце. Ювелир Шигай ночью хорошо выспался (вообще, он всегда хорошо отсыпался в дождливую погоду) и поэтому был в замечательном настроении. Он неспешно оделся, умылся, тщательно выбрил лицо и затем опять же спокойно позавтракал. Он не стал завтракать плотно, как это обычно делал, потому что сегодня не хотел омрачать себя отягченным желудком. Легкий суп, пара сваренных всмятку яиц с помидором и немного хлебушка – вот и весь был его завтрак. Так в добром здравии и духе вышел он из дому, вдохнул свежего утреннего воздуха. Ему

всегда нравилась погода после дождя: воздух чист и прозрачен, словно алмаз; небо синее-пресинее, как огромная бирюзовая чаша, и только редкие клочки облаков золотой оправой обрамляют эту чашу по краям, у кромки гор; деревья зеленые-презеленые, будто их только что покрыли изумрудом. Да, сегодня у него действительно было хорошее настроение. Аж хотелось петь. А почему бы ни петь: у него дела шли нормально — только вчера какой-то неизвестный человек принес ему на экспертизу замечательное кольцо, рубин карат так в двадцать, в золотой оправе. Владелец, по-видимому, не очень разбирался в драгоценных камнях, так что Шигаю удалось заполучить кольцо почти задаром. Да, ему сильно хотелось сейчас запеть, но... Когда выходишь из дому, осмотрись вокруг: если нет врагов твоих, смело иди вперед. На работе посмотри вокруг себя: нет врагов рядом — спокойно работай. Сел обедать, взгляни еще раз: врагов не видно — ешь неторопливо. Входя обратно в дом, оглянись: враги не преследуют — переступай порог. Значит, ты счастливый человек!.. Это его отец когда-то говорил. Мудрый был человек, земля ему пухом!..

И лишь проходя мимо дома Джумабека, он слегка сморщился, вспомнив про недавнюю ссору их жен из-за какого-то там кетменя (**Кетмень – мотыга*). Жена Шигаю что-то пробормотала в сердцах про исчезнувший бесследно кетмень, услышавшая невзначай ее слова жена Джумабека приняла это на свой счет и возмутилась. Ну, и потом эта драка. А женщины в этом гузере (**Гузер – квартал города*) дрались беспощадно: они с особой жестокостью царапали друг друга лицо, рвали друг на друге платье, поносили друг друга последними словами, на радость соседям раскрывая свои и чужие тайны... А потом было это отравление собачки. Никто толком не знает, кто именно отравил ее, и отравил ли кто вообще, но все почему-то считают, что это дело рук жены Джумабека. И все из-за того, что они давеча поссорились... Ох, уж эти бабы! Вечно скандалят, сплетничают, ссорятся, таскают друг друга за волосы... Из-за них и родственники потом перестают ходить друг к другу в гости. Они кого хошь перессорят. Ну да ладно их, не буду себя из-за этого расстраивать сегодня... И Шигаю заторопился было на работу, но, увидев издали идущего ему навстречу Пашу вдруг остановился. Ох, уж этот мерзавец! Как встречу его утром, так и не везет мне потом целый день... Он вечно приносит мне одни несчастья. Всегда выискивает, как бы покрепче меня ужалить, ну прямо как визжащий комар.

И зовут-то его соответственно (**Пашá /южнокирг./ – комар*). Комар он и есть комар. Постояв так немного, Шигаю, тем не менее, решил продолжить свой путь и собрался было уже выругать про себя соседа и пройти мимо, но, заметив, что тот почему-то улыбается ему, обнажив свои гнилые зубы, замешкался.

– А ведь он как воняет! – пробормотал Паша.

– Что? – не понял Шигаю.

– Воняет, говорю, – Паша уже кричал во весь голос, будто разговаривал с глухим.

– Кто? – Шигай все равно не понял соседа.

– «Кто?»... «Кто?» – недовольно заворчал Паша и кивнул головой в сторону углового дома. – Он... Все прямо спятили с ума что ли... Он уже совсем смердит, а вы даже не замечаете...

И Паша, недовольный, махнул рукой, а затем, ворча еще что-то себе под нос, поплелся к себе домой. Шигай так и остался в недоумении, с деланной улыбкой на лице, хотя и не совсем понял, о чем речь. И лишь потом, пройдя несколько шагов вперед, он сообразил, в чем дело: он резко остановился. Да, действительно сильно смердит. И когда только он, наконец, сдохнет, этот мерзавец?..

И дальше он уже быстрыми шагами, крепко зажав нос, засеменил мимо огромного, словно мавзолей, дома...

2

В последнее время он уже отчетливо чувствует, что все его тело смердит. Невозможно терпеть. Наверное, мне уже пришел конец. Скорее бы, а то я и так стал посмешищем для людей. Лежу здесь, как мумия... Но тут он снова вдруг весь напрягся, приподнял голову и до крови прикусил губу. Нет. Не спеши, тебе еще рано умирать. Потерпи немного. А то, что от твоего тела исходит этот тяжелый запах, так это даже хорошо: пусть все в гузере знают, что ты еще жив. Пусть твой запах распространится не только на гузер, но и на весь мир – это будет твоим последним посланием человечеству. Старик в темноте обнажил свои зубы. Нет, я еще не умер, я и теперь живее всех живых. Не думайте, что так легко избавились от меня: я еще покажу вам, на что я способен... Подождите...

К нему давно перестали ходить люди. Сначала, узнав, что он тяжело болен, его посещали родственники. Но он, заметив, как осторожно, зажав нос, входят они в его комнату, как брезгливо подталкивают, словно собаке, тарелку с едой, сам прогнал их. Он потребовал, чтобы они больше не приходили к нему. Он проклял их. И вот теперь он умирает один, без надежды, без желаний, заперши себя в этих четырех стенах. Да и чего ему больше желать? Всего одно желание было у него в этой жизни, это его желание давно исполнено, и теперь ему ничего больше не нужно. Он исполнил свое желание сам, ни у кого не просил помощи, не просил даже совета. И теперь он умирает без сожаления. Люди прокляли его за это желание, за то, что он исполнил его. Пусть проклинают. Если я в этой единственный раз дарованной мне жизни не могу сделать хоть что-то, чего я сам хочу, то какой же я тогда человек? И разве куклой в чьих-то властных руках суждено нам прожить всю свою жизнь? А я совершил чего хотел, значит, я человек. Больной самодовольно улыбнулся. А остальные пусть ворчат – все равно

я не стану просить прощения. Мое тело смердит, ладно, я и это стерплю. И если эта вонь – наказание за мои грехи, то я готов сам первым задохнуться в ней. Старик теперь уже вовсе смеялся: сначала это было просто похихикивание, но затем оно постепенно переросло в хохот. Но и вы задохнетесь в этом смраде, люди! Скоро вы не сможете сидеть у себя дома: мой запах будет проникать в вас не только через ваши рты и ноздри, он пролезет и через ваши уши. И посмотрю я тогда, куда вы пойдете прятаться. Я превращу ваши дома в могилы...

Больной слегка поперхнулся и перевернулся в постели. Раны, начинавшие покрываться коростой, лопнули, оставив гной на белой простыне; тело его заныло, будто кольнули его тысячами иголок. Больной громко застонал. Простыня быстро промокла от крови, комнату опять заполнило вонью. Чтобы вы все задохнулись! Старик, несмотря на боли, довольный, усмехнулся. Вот теперь я посмотрю, куда вы пойдете прятаться. Вы думаете, так легко избавитесь от меня? Нет, я еще здорово успею вам нагадить прежде, чем исчезну с лица земли... Он знал, что его болезнь неизлечима, поэтому изредка тешил себя мыслью, что может хоть как-то посмеяться над ней. Он и над людьми смеялся потому, что знал — те ненавидят его. Ну и пусть! Я тоже не останусь в долгу. Вы думаете, что вы лучше меня? Нет, конечно. И вам за все воздастся: за то, что вы когда-то преклонялись перед нами, за то, что теперь ненавидите нас. За все воздастся... Люди давно перестали ходить к нему, но и он сам уже не желает видеть никого: за долгие годы отшельнической жизни он, кажется, уже и привык к одиночеству. Откуда-то издали доносилась музыка – больной настороженно прислушался. Сначала он и не понял, что это такое: какие-то странные, нежные звуки слегка коснулись его ушей и стали ласкать слух. Затем они стали, словно, приближаться и, наконец, наполнили все его тело приятной истомой. Больной разомлел. Он раньше никогда не слушал музыку, разве только «Апассионату», ни разу даже не пробовал петь, кроме, конечно, «Интернационала», но сейчас он весь напрягся и стал жадно ловить ушами каждый звук. Мелодия звучала плавно, тихо, затем стала постепенно приближаться. Старик закрыл глаза и слегка задремал. И тогда перед его глазами встала пустыня, по которой двигался караван. Верблюды, выстроившись в ряд и мерно покачиваясь, медленно ступали по раскаленным пескам. Рядом с каждым из них, с трудом отрывая ноги от земли, шел погонщик. Они все, томимые жаждой и обмотанные чалмой, из-под которой лишь сверкали глаза, тоже покачивались в такт музыке. Мелодия все более усиливалась, и теперь к звуку одинокой флейты прибавился бой барабанов и литавр. Все торговцы во главе с караванщиком, утомленные долгим путешествием и одурманенные кокнарем (*Кокнарь – наркотический напиток), выпитым для утоления жажды, подремывали, слегка кивая головами под ритм мелодии. Солнце, словно раскаленный металлический диск, повисло над головами путешественников и

расточало свои лучи на землю. Музыка все приближалась, то заливаясь трелью флейты, то разрывая раскаленный от жары воздух громкими ударами сразу нескольких барабанов. Пустыня обдавала жаром...

Тут он потерял сознание: его тело, казалось, проваливалось куда-то в бездну, он долго плыл по воздуху, приятный сон окутал его со всех сторон.

И он снова увидел пустыню, только на этот раз, еле волоча ноги, по барханам плелся он сам. Вокруг царило какое-то неотвратимое безмолвие; ни единого деревца, ни единого кустика, и лишь нескончаемое пространство мертвенной пустыни плавно колыхалось на ветру. Усталый, с растрескавшимися губами, он еле вырывал ноги из песков, но через некоторое время, изможденный, снова падал. Наконец, он не выдержал и, воздев руки к небу, взмолился:

– Воды!.. Дайте воды!..

Никакого ответа, только мертвенная тишина.

– Воды!.. Воды!..

Навстречу ему, медленно ступая по земле, словно в танце, двигался человек. Он нес на руках кувшин и, каждый раз, когда он наклонял его, из горлышка сосуда на землю лилась тонкая струйка воды. Старик что есть силы пополз ему навстречу, но как он не старался, расстояние между ними не только не сокращалось, но, наоборот, все более отдалялось.

– Воды!.. Дайте же воды! – навзрыд заплакал старик.

Наконец, водонос подошел к нему, протянул жаждущему кувшин, а сам встал в сторонку, наблюдая за ним. Старик жадно прильнул к горлу сосуда, но, сколько он не пытался, ни одна капля воды не попала ему в рот.

– Воды!.. Где же вода? – с мольбою спросил он у водоноса.

– Нет воды, — усмехнулся тот и вызывающе посмотрел на него.

– Как же нет? Ведь только что была вода в кувшине, – удивился старик.

– А для тебя здесь нет воды, – резко ответил водонос.

– Почему? Почему для меня нет воды? Я хочу пить, дайте мне воды, – взмолился путник.

– Потому, что эта пустыня – след, оставленный тобой в этом мире, – сказал водонос. – Поэтому для тебя здесь не будет воды...

Затем он взял обратно кувшин и пошел дальше своей дорогой, по-прежнему наклоняя горлышко сосуда и выливая из него воду.

– Не выливай! – закричал ему вслед старик. – Не выливай воду...

Он проснулся. Все его тело было мокрым, и не только во сне, но и наяву он плакал. Что случилось? Почему я плачу? Он долго не мог вспомнить свой сон; его тело горело, как в горячке, в горле пересохло. Но он не стал никого звать, не стал, как во сне, просить воды: во-первых, никто ему ее не подаст, а потом – он уже привык подолгу обходиться без нее. Старик высунул язык и начал смачивать

губы слюной.

В комнате сумрачно и холодно. Скоро должна подойти медсестра: она всегда приходит вовремя, она никогда не опаздывает. Чудачка! И зачем только она сюда ходит? Я ведь все равно уже не поправлюсь, да и смерть моя близка. Ходит только за тем, чтобы узнать, что я еще жив? Зачем ей мучиться со мной? Зачем ей дышать этим вонючим воздухом? Но она придет, все равно придет. Бедняжка! Наверное, она из хорошей семьи. Она честно выполняет свой долг: государство обязало ее, вот она и ухаживает за мной. Я ведь тоже когда-то честно выполнял свой долг перед государством, только сейчас люди забыли об этом. Его лицо посуровело, он весь сжался, словно приготовился на кого-то броситься. А с какой легкостью они меня обвиняют, негодяи! Можно подумать, что я один виноват во всех их бедах. А они сами? Они сами где были, когда мы все это затевали, когда мы объявили всему миру о новой жизни? Они ведь тоже тогда приветствовали нас и затем всячески помогали нам. Больной неожиданно приободрился, будто к нему снова вернулось прежнее здоровье, и он, опять молодой, сильный, управляет своим захудалым, но все-таки городом. В те незабываемые годы они все выполняли то, что я им приказывал, все думали так, как думал я. В те времена никто бы не осмелился мне перечить, а тем более обвинять, как это они делают сейчас. Везде висели лозунги с моими словами. Вплоть до моего призыва: «Корма, корма и корма». О, он помнит, как тогда все виляли перед ним, все хвалили его! Они каждое мое слово выхватывали на лету и вывешивали его повсюду как лозунг. Это сейчас, когда я ослаб, они, как шакалы, набросились на меня. Они сейчас ругают меня, валят на меня всю вину. Они утверждают, что я не так вел народ, что не такие давал приказы... А вы, люди? Вы сами где были тогда? И кто тогда беспрекословно выполнял мои приказы? А теперь, получается, я один среди вас оказался таким грязным? Ну, не-ет, вы уж не валите на меня всю вину за ваши же когда-то содеянные ошибки: вы ведь сами вместе со мной строили эту жизнь. Тогда почему же вы теперь отмахиваетесь от нее? О, в вас, оказывается, еще жив тот стадный инстинкт, когда с пути сметается все, что уже в судорогах бьется в пыли или издыхает совсем. Bravo, ребяташки, bravo!.. Топчите меня, втоптывайте меня в грязь, сколько можете...

И тогда он вспомнил свой сон. Почему он мне приснился? Ведь я раньше никогда не видел снов, разве только в детстве. Но и тогда мне часто снилось, будто я летаю. Только вот не помню, какой именно птицей я парил в небесах: то ли орлом, то ли еще какой-нибудь другой птицей. Помнится, я медленно кружил в небе и обозревал все подо мной: и землю, и людей, и всяких там зверей. Вот тогда были сны, а что сейчас?.. Ах, да... Уже будучи председателем сельсовета, он однажды видел сон, будто насилует собственную мать. В холодном поту вскочил он тогда из постели. Сон сильно напугал Орозкула, но отец, которому он

все рассказал, стал утешать его. Он говорил сыну, что сон этот предвещает ему власть над миром, так как земля – это прародительница всего живого, и мать, которую он видел под собой, это не что иное, как эта земля, которую ему суждено управлять. Ну, а что же тогда эта пустыня? И когда это я оставлял после себя пустынные земли? Да не было никогда такого. Наоборот, разве не я опустошенные ранее селения превратил в цветущие оазисы? И разве не я поднял из руин этот ранее забытый людьми город? Так неужели теперь меня в этом же и обвиняют?

Или я действительно оставил после себя пустыню? Но разве я один виноват в этом? Ведь все строили новую жизнь, и все мечтали об этом светлом будущем. Или оно уже не такое светлое будущее? Да, мы повернули реки вспять, чтобы оросить водой пустынные земли. Но так ведь все это нужно было для того, чтобы обжить заброшенные ранее местности. Да, мы перекрыли многие реки, чтобы построить гидроэлектростанции. Но мы же тогда хотели, чтобы в каждом доме горел свет. Так что же получается: значит, все то, что я делал в жизни, было напрасным, и вся моя деятельность была направлена лишь на то, чтобы оставить после себя пустыню? Нет, не может быть... Тогда что это была за пустыня? Город... цветущий город, насколько я знаю, все еще существует, и я не слышал, чтобы он исчез с лица земли. Разве только прошлогоднее землетрясение немного ослабило основы зданий и домов, так он еще будет стоять долго. А что же тогда было во сне? Пустыня, посеянная в душах людей? Или же это итог моей жизни? Так, значит, выходит, я во сне блуждал в потемках собственной души? О горе мне! Всю жизнь прожить, теша себя мыслью, что честно трудился во имя людей, и в конце узнать, что... Неужели же я не достоин лучшей участи, не достоин умереть спокойно?..

Он давно не видел города. Сначала, когда у него отнялись ноги, он менял больницу за больницей, затем началась эта самая болезнь. Паралич, допустим, это следствие инсульта, но откуда это гниение? Врачи не говорят, что это за болезнь, но он сам догадывается, что она неизлечима. Все его тело покрыто струпьями, и когда их растревожишь, из-под них вытекает гной, перемешанный кровью; пока одни коросты заживают, в другом месте появляются другие. А вначале была ведь всего одна опухоль, маленькая, с пшеничное зерно. Тогда он даже не обратил на нее внимания, он даже не стал ее показывать врачам: он тогда больше был занят своим параличом. Позднее, когда опухоль перешла в одну сплошную незаживающую рану, и когда от его тела стал исходить смердящий запах, его выписали из больницы и отправили домой. Вот тогда он понял, что ему теперь никогда не поправиться, и он не стал даже возражать.

И его до сих пор мучает мысль: неужели же врачи уже тогда знали, что он

скоро умрет? А если знали, то разве это по-человечески, не сказав ничего, не попытавшись вылечить, отмахнуться от больного? Разве это гуманно? Разве не для того мы боролись с религией, чтобы процветала наука? А наука наша оказалась такой бессильной... Тогда понятно, почему люди до сих пор верят в бога, до сих пор с надеждой устремляют свои взоры в небо: что же им делать, если наш атеизм не может сотворить чудо, не может даже исцелить человека? Ведь простой народ хочет верить в то, что сулит им уверенность в завтрашнем дне, а наша наука не смогла им этого обеспечить. И если даже врач не верит в исцеление, то что тогда делать больному?

Тяжелое впечатление оставил в душе у старика его недавний разговор с медсестрой, и он вспомнил об этом почему-то сейчас: раньше он о нем пытался забыть, чтобы не расстраивать себя. Когда он спросил девушку, смогла бы она, если бы у нее было все необходимое, вылечить его, она пожала плечами и ответила:

– Может быть...

– Ну почему «может быть», ведь у тебя было бы все необходимое? – удивился он. – Так неужели ты и тогда не смогла бы меня вылечить?

– Мы же не боги, а только врачи, – ответила девушка.

– Доченька, разве и ты веришь в бога? – еще больше удивился тогда больной. – Ведь вы же ученые, грамотные люди...

– А что делать? – сказала девушка, совсем разочаровав его своим ответом. – А что нам остается делать, как не уповать на бога?..

Больно ему тогда стало, от обиды он даже хотел отказаться от дальнейшего лечения. Но на другой день, когда она снова пришла к нему и улыбнулась, он не стал обижать ее: он понял, что ее улыбка стоит многих лекарств, и она хоть ненамного, но все-таки продлит ему жизнь.

Тут он вспомнил и про свою жену: разве не ее присутствие и присутствие этой медсестры продлевали мне жизнь? Пока была жива его жена, она каждый день выстирывала ему белье, но вот уже целый месяц, как ее нет в живых, и больной с тех пор лежит завернутый в одну и ту же простыню. Прежде белая чистая простыня сейчас вся порыжела от гноя с кровью, и теперь, когда он переворачивается, каждый раз его тело больно колот прилипшие к ткани струпья. Правда, медсестра несколько раз пробовала постирать ему простыню, но тогда он сам запротестовал и категорически отказался. И тогда больной именно сегодня, первый раз за всю жизнь, вспомнил добрым словом свою старушку. Несчастная! Как она страдала все это время: сначала от его неистовой злобы, а потом, когда он тяжело заболел, от усталости и бессонных ночей, от стирки его вонючего белья. Бедная моя старушка! Да будет ей пухом земля... Она всю жизнь боялась бога, боялась его гнева и, даже умирая, она, кажется, больше переживала за меня,

жалела меня за то, что я один остаюсь на белом свете. Ведь она полагала, что я несчастный человек, что я остаюсь в этом брэнном мире, тогда, как она уходит в лучший из миров. И если бы это было на самом деле так, а то ведь люди сами придумали эти сказки о райской жизни, и сами же глупо верят им. И бога они придумали сами, и теперь сами же и боятся его. Живу же я без какого-либо бога: я и раньше не верил в него и сейчас не верю.

Ему тотчас вспомнилось, как однажды в молодости он заткнул за пояс тех, кто верил в бога. Тогда он работал секретарем сельсовета. В тот день он проводил собрание, где рассматривался вопрос о создании колхоза. Все жители села твердили о дне страшного суда, которым их напугал местный мулла, и отказывались вступать в колхоз. Тогда вышедший из терпения Орозкул вскочил с места, быстро снял с головы шляпу и бросил ее к ногам ропщущих односельчан.

– Ну-ка, если ваш бог действительно всемогущ, то пусть он наденет мою шляпу снова на голову! – выкрикнул он растерявшимся людям.

Все тотчас замолкли. Тогда он снова поднял головной убор, надел его на голову и громко захохотал в лицо пристыженным землякам.

– Эх, вы! – сказал он. – Чего же вы боитесь того, которому не под силу поднять даже мою легкую шляпу? И кому это вы поклоняетесь? Вы лучше молитесь, чтобы новая власть жила вечно. Она даст вам всем землю и новую светлую жизнь вам построит...

С того дня жители села, пристыженные, с одной стороны, стали побаиваться его, с другой – затаили на него злобу за оскорбленные свои чувства. А назначенный с тех пор председателем колхоза Орозкул как будто даже не замечал этого и, наоборот, почувствовал себя всеильным и постоянно помыкал опозоренными своими земляками.

И почему, действительно, они боятся бога? Если этот их бог на самом деле существует и может покарать их, то какой же он милостивый и милосердный? А если он добрый, то зачем его нужно бояться?

У больного были свои особые счёты с богом: в далеком детстве, когда его младший брат, совсем еще ребенок, тяжело заболел и лежал при смерти, он денно и ночью молился, чтобы бог пощадил его. Ему было обидно вдвойне потому, что этот меньший его брат в возрасте пяти лет был очень жалостливый. Он жалел всех подряд: и нищих, которые время от времени проходили по улице, и богатых, которые тоже время от времени проезжали на коне со своей шумной свитой. А богатых-то за что жалеть? Нет, он жалел их тоже. Потому, что они, видите ли, одинокие. Но ведь с ними вон какая свита? Но его брат считал по-другому. Все равно богач одинок потому, что все окружающие его люди так или иначе ненавидят его. Брат его и грустные песни никак не мог допеть без слез. Его старались приучить, уговаривали, ничего не помогало. А Орозкула раздражала

его жалостливость: не мог он терпеть слезы. И он постоянно допекал брата, каждый раз дразня и заставляя того снова и снова плакать. Как только тот наберется мужества и старается пропеть все грустные места, так Орозкул поворачивается к нему и, делая жалкое лицо, начинает корчить рожи. Брат крепится изо всех сил. Но шалун не унимается и с еще большим старанием пытается разжалобить брата, пока тот, не выдержав, начинал плакать. Бедный мой братишка! Как он жалел всех и вся... И именно его-то Бог отобрал у нас. Не всяких там головорезов и кровопийц, а самого что ни есть доброго из нас и самого жалостливого...

Орозкул тогда, стоя на коленях, вымаливал у Бога пощады для брата, но несмотря на все его мольбы, мальчик умирал. И тогда, видя, как тщетны все его попытки уговорить бога, видя, как медленно угасает жизнь в безвинном детском существе и, наконец, увидев, как отец с матерью беспомощно рыдают у изголовья родного дитяти, а брат, как бы безропотно прощаясь, поочередно целует руки родителям, он, не выдержав, выбежал на улицу и, уставившись заплаканными глазами в небо, закричал слова проклятия:

– Я ненавижу тебя, Господи! Единственное, о чем я просил тебя, это спасти моего брата, но ты не исполнил эту просьбу... Я плевал на тебя, Господи! Я ненавижу тебя!..

И он выбросил на землю небольшую книжицу Корана, которую всегда носил с собой в нагрудном кармане.

А вечером, придя домой, он обнаружил у себя дома много людей, суевившихся в подготовке к похоронам, и защемило у него в детской груди, и поклялся он впредь бороться с богом и верующими в него людьми.

Он до сих пор выполнял свою клятву: всю жизнь он отдал на борьбу с религией, со всем, что связано с богом. Он, как можно, старался развенчать имя бога, старался отвернуть от него людей, и ему это иногда удавалось. Были, были у него определенные успехи, но каждый раз, когда он, казалось, вот-вот достигнет полной победы, вдруг люди неожиданно снова поворачивались к богу. Разные обстоятельства способствовали этому: то голод, грянувший сразу вслед за коллективизацией; то война, унесшая жизни многих людей и искалечившая остальных, оставшихся в живых; то послевоенная неуверенность в завтрашнем дне. Все они, каждый с новой силой, заставляли людей вспомнить о какой-то сверхъестественной силе, именуемой Богом, который может помочь им спасти свою жизнь. Но и он не сдавался, и с каждым разом с удвоенной энергией вновь принимался бороться за мысли и чаяния людей. И дошло до того, что народ стал связывать с ним какие-то дьявольские силы, помогающие ему бросать вызов самому Богу и всем верующим в него, помогающие ему выстоять в этом неравном единоборстве, в котором, с одной стороны, принимали участие

небесные силы, а с другой – самый обыкновенный земной человек. Одни говорили, что он все равно рано или поздно вспомнит о боге и встанет на путь истинный – начнет молиться, когда тяжело заболит. Но он всю жизнь болел и, тем не менее, ни разу не произнес его имя, помня про обещанную клятву. Другие же утверждали, что он склонит голову перед ним, когда состарится, но он вот уже одной ногой стоит у могилы, а все еще не согнулся, ни у кого не просил пощады и наедине борется с собственной старостью. Он сейчас не боится даже смерти и лишь просит, чтобы она пришла скорей. Ведь смерть – это начало бессмертия. Но она почему-то не идет к нему. Почему? Ну, почему я не могу умереть, как все нормальные люди, почему меня, как нормального человека, не отвезут на кладбище, почему не похоронят, как нормального, в свежерытой могиле? Почему я лежу здесь, как истукан, как мумия, на радость и потеху всякого сброда? Где же она, проклятая старуха с длинными когтями и острой косой? Где? ..

Больной, взволнованный, беспокойно заворочался в постели, и тогда его вновь охватила лихорадка, и он беспомощно уронил голову на подушку.

3

Его старуха умирала спокойно, без слез и рыданий. Только сам Орозкул знал, как она мучается. Но он ничем не мог помочь ей, более того, сам нуждался в ее помощи.

Орозкул лежал на диване, а старуха его – просто на полу, укрывшись одеялом. Орозкул сбоку видел осунувшееся лицо жены, губы ее подрагивали, то ли шепча слова молитвы, то ли прося о чем-либо. Но больной муж ничего не мог ей подать, он не мог даже погладить ей лоб. Он только поглядывал в ее сторону, смотрел на вздрагивающее ее тело и ждал. Нет, не ее смерти, а ее выздоровления, так как, если она невзначай умрет, то некому будет присмотреть за ним. Это-то более всего пугало его: неспроста в народе говорят, что иные мужья молят бога забрать их раньше жены. Женщина-то сама как-нибудь проживет, да еще и детей вырастит в ласке и заботе, а вот мужчине приходится очень туго после смерти жены. Не дай, бог... фу ты, что я говорю?.. Не приведи никому остаться без жены! Не приведи зависеть от кого-либо вообще! О, я хорошо знаю, что такое зависеть от кого-нибудь, что такое быть под властью кого-то. О, люди такие вероломные! Они даже не могут сравниться с собакой: тому дашь кусок хлеба, так она всю жизнь будет верой и правдой служить тебе, все время будет следовать за тобой по пятам, она и ночью будет охранять тебя и сторожить твой дом. А сделай человеку хорошее – так он быстро об этом забудет, а еще хуже – оплатит тебе злом и предаст тебя. Так что лучше иметь другом преданную собаку, чем коварного человека. Может, потому некоторые люди и заводят собаку. Моют ее в ванной,

кормят колбасой и даже шьют специально для нее одежду, хотя сами не подадут нищему человеку ни куска хлеба, более того они гонят его прочь из своего дома. Ну и правильно они делают: от собаки хоть какая польза, а от человека – одна гадость. Орозкул раньше терпеть не мог собак, а людей, которые держали у себя в комнате псов, вовсе презирал. Его тошнило, когда он видел, как собаки лизут лицо и руки хозяев. Как они могут ласкаться с собаками? Ведь потом от них несет псиной! Тьфу...

Но после того как заболел, как пролежал в больнице и видел всякую мерзость человеческого тела, он изменил свое мнение о собаках. Куда там псиному запаху до гниющего человеческого тела. Нет ничего омерзительней человеческой заразы – вот и изменил Орозкул после этого свое отношение к домашним собакам. Более того, эти твари ему показались самыми преданными и верными друзьями человека. А люди... Люди – самые коварные и вероломные скоты!..

Пробовал Орозкул помогать людям, и каждый раз за свою помощь получал черную неблагодарность от них. Так что он не просто по чужим примерам знает о человеческой неверности, а на собственной шкуре испытал подобную мерзость. Когда-то было у него много друзей и родственников, которым он постоянно помогал. Потому они, оказывается, и вились вьюнком вокруг него, клялись и божились, что по гроб обязаны ему, что никогда не бросят его в беде. Но стоило ему оказаться в опале, так всегда оставались с ним рядом лишь жена и сын. Вот такие они, люди! И не стоит им верить. Лишь жена, да и то верная, и дети, да и то любящие, никогда не бросят тебя одного в беде. И не приведи никому оказаться зависимым от других!..

У моей несчастной жены даже не было той самой хитринки, которая свойственна большей части женщин. Ведь жена что делает? Любая жена мечтает хозяйничать над мужчиной. И каждый раз она пытается одержать верх над своим мужем: в первый раз – когда она позволяет жениху поцеловать себя, после этого – когда выходит за него замуж, потом — когда родит первого ребенка, затем – когда родит первого сына, и еще раз – когда мужчина заболевает, и, наконец, когда он состарится... Так и идет нескончаемая борьба между мужем и женой. Иной муж сдается с первого раза, другой же не сдается до скончания своего. Я, наверное, оказался из второй когорты...

Старуха его заболела внезапно. Орозкул до сих пор как-то даже и не думал, что она может заболеть: ему казалось, что женщины никогда не болеют, а просто слегка прихварывают, но и тогда, даже больные, они постоянно снуют туда-сюда, заботясь о хозяйстве. Но вот заболела она все-таки: всю ночь стирала его вонючее белье и простыни, а наутро не смогла подняться с постели. Может, оно и лучше, может, ее бог решил пожалеть бедную старушку и забрать отсюда, чтобы

она не мучилась со мной. А может, бог решил еще сильнее наказать меня, забрав ее у меня? И какой же он беспощадный, этот бог! Ему мало, что я и так мучаюсь, так он решил помучить меня еще больше...

Жена его почти не мучилась — на третий же день она умерла. Хоронить приехали все ее и его родственники. Подняли вой, плач, три дня ночевали здесь, выполнили все, что положено по обычаю, и уехали. Не нравятся мне эти обычаи: орут, вопят, а у самих на глазах ни слезинки. Притворство одно. И похороны они превращают в той (*Той – празднество): режут одного за другим овец, дарят друг другу одежду, всякое тряпье. А зачем? Только хлопот прибавляют. Те несут одно, эти им дают соответственно. Прямо-таки какой-то натуральный обмен товарами. Живого поносят на чем свет стоит, ругаются; живому иногда и куска не подадут, а вот за мертвого, бывает, и дерутся: из какого дома будут выносить тело, со стороны родственников жены или мужа. Эти хотят увезти к себе и похоронить у себя, на родовом кладбище, а другие не хотят отдавать, дескать, будем хоронить у себя. Мертвому-то какая разница? При жизни ей, наверное, кусок хлеба пожалели, а вот после ее смерти одного за другим режут скот. Не нравятся мне эти обычаи, глупые они какие-то...

Помнится, дед Орозкула умирал, а ему перед смертью даже куска мяса не дали. Орозкул тяжело переживал этот случай, очень тяжело. И потому, что смерть деда уже сама по себе вызывала у него, любимого внука, печаль, и потому, что еще одно обстоятельство перед смертью деда все время не давала ему покоя, пробуждая в Орозкуле чувство вины. Что это было? Навязчивая мысль больного воображения? Или простая абберрация? Юный он еще тогда был и многого не понимал — вот и застряла у него в сознании обида на родственников.

Когда после длительного забытья вдруг дед пришел в сознание, первым делом он попросил бульона. Почему именно бульона он тогда просил? Что это было: каприз или последняя воля умирающего? Именно бульона он попросил тогда. Не любимого манты или плова, а именно бульона. А дома как раз в это время не было ни куска мяса. Мать все время поила его отваром моркови, потому что цвет моркови слегка походил на мясной бульон. И тогда Орозкул разозлился. И вышел во двор, где собрались все родственники. Он знал, что в сарае была на привязи овца, которую собирались резать на похороны.

– Дед хочет бульона, – категорично произнес Орозкул, пожирая всех собравшихся вокруг него родственников презрительным взглядом. – Нужно зарезать барашка...

Люди молча уставились на него, не соображая, о чем речь.

– Дед хочет бульона, – повторил Орозкул, уже озирая толпу ненавидящим взглядом. – Вам что, жалко?

Наступила неловкая тишина: родственники стыдливо отворачивались или же

переглядывались друг с другом, не зная, как поступить.

– Вы что, не понимаете? – почти вскричал Орозкул в приступе ярости. – Это же последняя воля умирающего... Ее надо выполнять... Или вы только чтите обычай, а на человека вам наплевать?

– Не надо, сынок, – вмешался тогда отец Орозкула. – Они тут при чем? Все равно отцу ничем уже не поможешь...

– Но ведь дед хочет бульона! – разрыдался Орозкул от собственного бессилия, потому что он тогда был еще совсем юным и нигде не работал, поэтому ничем не мог помочь семье. – Ему нужна лишь пиала бульона. Хоть ложка!.. Эй, вы! Для вас, оказывается, важнее соблюсти обычай и зарезать барана после смерти человека, чем выполнить его последнюю волю и тем самым дать ему хотя бы в последнюю минуту то, чего он жаждет. Эх, вы! Да вы, оказывается, даже не подадите воды жаждущему!..

И он зарыдал. От обиды. От отчаяния. От собственного бессилия.

Так вот откуда мои сны! Вот откуда моя жажда! Вот откуда пустыня! Это родственники иссушили мою душу. Они, оказывается, самые коварные мои враги, потому что всегда бьют исподтишка. Когда тебе тяжело, когда тебе холодно и когда ты голоден, их всегда нет. А когда ты выбиваешься в люди, то и каждая собака тебе родня. Фу, что я говорю?.. Куда людям сравниться с собаками?.. Это они, родственники, понапридумывали всякие там обычаи и традиции, верования и религии, чтобы окутать человека со всех сторон путами, чтобы он не смел выделяться среди людей, чтобы он был как все, чтобы он тоже был быдлом... И эти люди называют себя народом и требуют, чтобы все подчинялось им. Именем народа восхваляют и хулят, именем народа возвышают и ниспровергают, именем народа поднимают на трон и изгоняют царя...

Не любил Орозкул народные ни обычаи, ни традиции. Просто напрасная трата времени и средств. И нервов. Ведь сколько скандалов и обид после них? То не такое надели, то не такое накрыли, то не так подали, то не тем угощали. В общем, одни ссоры и взаимные обвинения. Тогда зачем они нужны, эти обычаи и традиции? И большинство ведь из них привнесено религией, а религия была его главным врагом. Будь его воля, он бы запретил все эти излишества. А то правительство все еще церемонится с ними. Зачем? Отмени и дело с концом...

Помнится, он своим приказом отменил чайханы и позакрывал их. Ему донесли, что чайхана – это разносчик слухов. Соберутся с десятков стариков и лясы точат: то им не нравится это постановление, то им бы хотелось другого руководителя. Прямо-таки какой-то революционный клуб, а не место для чаепития. Действительно, то, что вчера обсуждали в чайхане, сегодня обычно и сбывалось. То ли это сбывалось в результате заговора этих самых завсегдатаев чайханы, то ли они были настолько умудрены опытом, что все предвидели

задолго до событий, но разных слухов и сплетен распространилось уйма. Поэтому, когда один из его подчиненных предложил ликвидировать чайхану как место распространения всяких наветов, Орозкул тут же подписал постановление.

А то действительно – сколько можно терпеть это сборище праздношатающихся стариков? Сидели бы у себя дома и доживали свой век. Нет же, и они суют свой нос в политику. Сами не справятся со своими старухами, во дворе у них как языком слизало, а они туда же – обсуждать политику, экономику, да и всю жизнь. Вот и дообсуждались!

Правда, среди его советников были и те, кто не одобрял упразднения чайханы. Дескать, и мы когда-нибудь состаримся, и нам тогда на старости лет некуда будет пойти: каждый день у кого-нибудь собираться будет невозможно, а все время сидеть дома – тоже неважноту. Вот и пойдём мы тогда... куда? Конечно же, в чайхану. Там и чаю можно выпить, и поболтать о том, о сем, и последние новости узнать. Так что нельзя уничтожать старые традиции зря почем... Но Орозкул не принял эти советы и упразднил-таки чайхану, как феодальный пережиток. А старики?.. Они поворчали, поворчали и, в конце концов, как это всегда бывает, успокоились.

Орозкул хорошо помнил, как такие же старики из села Доле под угрозой суда заставили уйти с работы одного из его хороших работников. Дело в том, что жители этого села издавна поднаторели на всяких там насмешках над недостатками людей. Причем они это все говорили не прямо, а намеками и разными нелестными характеристиками. Так вот они, в конце концов, дошли до того, что стали надсмехаться и над государственными служащими, которые время от времени появлялись там в связи с проверками и ревизиями. А однажды они даже посмели надсмеяться над ним. Это он хорошо помнил, но старался не распространяться об этом. А то ведь люди того и ждут, чтоб посмеяться над своим хозяином.

В тот день он ездил в это растреклятое село Доле, чтобы узнать обстановку по подготовке корма на зиму. Он даже лозунг придумал по такому случаю: «Корма, корма и корма». Приехал в контору директора совхоза, а там его нет. Все были на сенокосе, как и требовал этого он сам. Это его обрадовало, и он постоял у дверей конторы, чтобы вдохнуть свежего горного воздуха. Вдруг видит – недалеко от конторы в ложбине три женщины косят сено. Тут его и бросило в ярость: как это так, государственный план еще не выполнен, а они уже косят себе в частное хозяйство. Ведь он давал насчет этого ясное и недвусмысленное указание: пока не выполнят план по косовице, никто не имеет права скосить себе сена на личное подворье. А эти спокойно косят себе траву прямо под носом у директора совхоза.

Орозкул тут же подозвал сторожа и бухгалтера совхоза, которые и были в конторе, затем приказал загрузить все сено, скошенное женщинами, на трактор и отвезти в совхозные скирды. Что и было сделано тотчас. Но этого показалось ему мало, и он, едва сдерживая себя, чтобы не броситься с кулаками на женщин, крикнул в их сторону:

– Где еще есть скошенное сено? Куда вы его попрятали?

На что одна из женщин тихо ответила:

– Поройтесь у меня между ног, может, что-нибудь там и найдете...

Да, Орозкул хорошо знает их, этих проклятых долецов. Они ни перед кем не остановятся, чтобы подшутить над ним. Так вот однажды они надсмеялись над одним из его работников, хорошим агитатором и пропагандистом Айдаровым.

Лысый он был – Айдаров. И надо же однажды поехал вместе с приезжим областным начальством в Доле для проверки готовности к уборке хлопка. Долецы, конечно же, встретили их, как всегда встречали проверяющих – недоброжелательно. Мало того они и подшутили над большими начальниками. Они зарезали для гостей козла, разделили его голову напополам и преподнесли одному из начальников правую сторону с рогами, а другому – левую сторону с торчавшей щеткой бородой. Гости же из области, ничего не подозревая, набросились на угощение и, причмокивая, стали есть. Но Айдаров-то знал, что долецы все это сделали неспроста. Про жену одного из гостей, которому с намеком подали рогатую половину, ходил слух, что она любит гулять налево; а у другого, которому подали левую половину, борода была клинышком. Тут Айдаров весь напрягся, ожидая собственную участь, но против него почему-то ничего не было сделано. Но не тут-то было. Гости молча поели мясо, обглодали голову, и тогда один из долецов, взяв в руки голый череп, произнес:

– Ах, какой мудрый был этот козел! Какой головастый! А теперь вот эта голова совсем голая...

Тут уж Айдаров не выдержал: он возьми да и напиши в газету целую статью о долецах, где он не столько пытался высмеять их в ответ, сколько от злости поносил их на чем свет стоит, а к концу так прямо и заявил, правда, в стихах:

Собрать бы долецов в кучу да сжечь,

Собрать бы их в груды да закопать...

Тут уж долецы не на шутку разгневались, написали аж в Москву. Дескать, государственный муж призывает уничтожить целый народ, а это называется геноцид. Никто не смог заступиться за Айдарова: уволили беднягу. Хорошо хоть так отделался, а то ведь могли и совсем посадить его за призыв к расправе. Вот такой он этот народ – долецы!

Правда, не посмели они упрекнуть Орозкула за то, что он так обошелся с чайханами. И вообще, все боялись открыто критиковать его за любое деяние. Но за глаза кем только его не называли: и хромым — за перебитую ногу, и калекой — за сломанные два пальца рук, и напудренным развратником, и даже параноиком. Также люди за глаза называли его «Намурут» (**Намурут – Немврод*) и страшились что-либо предпринимать против него, так как они связывали с ним какие-то злые силы. Говорили, что он уподобился древнему могущественному царю Намуруту, тоже отрицавшему бога. Оказывается, этот самый правитель приказал развести огромный костер и сжечь на нем пророка Ибраима (**Ибраим – Авраам*), но по изволению Аллаха огонь не причинил ему вреда и потух. Ну, разве это не чушь? Ведь каждый человек всегда видит только то, чего он сам хочет видеть. Вернее, то, что он себе вообразит. А фантазия у человека в этом отношении безгранична: то он вообразит себе разных там драконов и ведьм, то он уже скачет на белом коне убивать всяких там великанов и оборотней, а то, смотришь – вдруг ему уже мерещатся разнообразные там святые и пророки. Ну, почему, например, мусульманину не видятся ни Христос, ни святая богоматерь, ни святые апостолы? Потому, что он о них и не думает. Или почему огнепоклонникам не снятся ни Ибраим, ни Исак, ни Магомет? Тоже потому, что они о них ничего не слышали. Значит, человеку видится лишь то, о чем он много думает. И ничего святого в этом нет, это всего лишь сон разума. Начни сейчас человек думать постоянно о рыбе или птице, они тотчас привидятся ему в страшном сне. Так и рождались, наверное, все религии. Люди от страха понапридумывали разные удивительные истории о Господе и его посланниках, об апостолах и райских девах. Кстати, о девах... О гуриях в исламе... И на что только не идут эти миссионеры для того, чтобы заманить молодых людей в лоно религии. Орозкул хорошо помнил, как один из строителей дома его отца долго отговаривал его, отчаявшегося юношу, не отрицать Бога. Разговор о Боге зашел чисто случайно: говорили о строительстве дома, отец Орозкула сетовал на отсутствие строительных материалов и как следствие – жаловался на судьбу.

– Ничего, Господь Бог поможет, – успокаивал его строитель.

– Вряд ли, — обреченно вздохнул отец. – Что-то не вижу, чтоб он мне помогал.

– Не говорите так, почтенный, – чуть испуганно прошептал тогда строитель.

– Нельзя так говорить о Боге.

– Почему же нельзя? – возмущенно встрял в разговор Орозкул. – Где же он, ваш Бог? Нету его. Не существует он, ваш Бог.

Сказал – как отрезал, даже отец испугался такого заявления.

– Ну что ты, сынок? – испуганно пробормотал он. – Не говори так.

Тут и разнесло Орозкула.

– А почему вы боитесь его, не существующего Бога? Где он? Как всегда появляется тогда, когда человек сам уже завершил дело? Он у вас всегда такой: когда человек мучается, страдает, когда ему тяжело, его нет нигде; а как только человеку хорошо, так тут же все начинают благодарить бога. Он что у вас любит получать только благодарности?..

– Э-э, сынок, не говори так, – чуть не взмолился строитель, оглядываясь по сторонам, будто боялся, что кто-то услышит их. – Нельзя так говорить...

– Почему нельзя? Вот вы заладили тоже... «нельзя»... «нельзя»... А что, ему можно издеваться над нами, людьми, а нам нельзя об этом даже говорить?

– Все равно нельзя так говорить, – как заученное повторял строитель. – Вот ты говоришь, что Бог появляется только тогда, когда человеку хорошо. Ты знаешь такую притчу? Умер один человек, просит Господа Бога, покажи, говорит, мне, Господь Бог, ту тропу жизни, по которой я прошел. Показал Бог. Видит человек: там следы четырех ног. А почему, спрашивает, четыре ноги. А потому, что это я шел рядом с тобой. Видит человек: в одном месте следы четырех ног, а в другом – всего двух. А почему теперь следы всего двух ног, спрашивает. А это потому, что в этом месте тебе было тяжело, отвечает. Ну, Господи, возмутился невежда, это несправедливо! Ты всегда, оказывается, появлялся тогда, когда мне было хорошо, и исчезал тогда, когда мне было плохо. Это несправедливо с твоей стороны. Видишь, Орозкул, тот человек тоже спросил, как ты! И тогда Господь Бог смеется, эх ты, глупый человек, говорит, это ведь следы не твоих ног, а моих. Это я нес тебя на своих плечах, когда тебе было тяжело... Вот так вот, Орозкул, Господь Бог всегда помогает человеку. Только он идет рядом, когда человеку хорошо, и несет на плечах, когда ему трудно. Поэтому надо всегда верить, что Бог поможет тебе. Вот, к примеру, ты лучше попроси Бога дать тебе хорошую и красивую жену, и ты получишь ее...

Знал ведь этот строитель, что любой влюбленный юноша только и мечтает о своей любимой, как самой красивой девушке. Но меня так легко не купишь... И надо же, какие только уловки они не придумывают, лишь бы завлечь человека обратно в религию! Учитывая возраст Орозкула, тот гость прямо-таки предлагал ему сделку: он обещал, что Господь Бог осчастливит его женитьбой на самой красивой девушке, правда, если только он будет выполнять все обряды и молиться. И на что только не идут эти самые проповедники ради того, чтобы заставить человека поверить в существование Бога!

Тогда Орозкул категорически отказался верить в Бога и не стал даже разговаривать со строителем. Он резко встал и ушел.

совсем богатой, но обеспеченной семье, и он рос вполне здоровым и счастливым ребенком. Отец и мать окружили его лаской и заботой. Он был одаренным мальчиком и в медресе преуспевал более всех, как в богословии и теософии, так и в риторике и каллиграфии. Это мне потом здорово помогло в моей работе. Именно за красивый почерк и мое ораторство меня и избрали в сельсовет, чтобы я грамотно говорил и аккуратно вел всю документацию.

Отец мой гордился моими успехами в учебе и всегда обращался ко мне не иначе, как «молдоке» (**Молдоке – вежливое обращение к образованным людям*). Почет и уважение окружали меня...

И если бы однажды не умер его младший брат, то, может быть, он так бы и остался правоверным мусульманином. Но прежде этому помешало еще одно событие, и он до сих пор пытался не вспоминать про него. Детская простота, но как она повлияла на всю его дальнейшую жизнь. В один из дней, вернувшись из медресе, он обнаружил у себя дома муллу, который восхищался его познаниями и решил поговорить с ним о Боге, о вере, о молитвах. Он как раз сидел с отцом в ожидании Орозкула и беседовал на эти темы. И когда мальчик вошел в комнату, увидев его, мулла в порыве умиления стал восхищаться его поведением и начал расхваливать его перед отцом.

– Ваш сын – чудо, аксакал! – причмокивал мулла. – Вот бы все дети были похожими на него! А то большинство детей шалуны и озорники. Их надо бить розгами, им надо выбить всю дурь из головы, чтобы они думали только о Боге!..

Это-то и задело тогда Орозкула. Что значит бить? Бить только за то, что те – дети? За то, что они любят играть? Разве шалость и озорство не врожденные качества детей? И разве не сам Господь Бог даровал им это качество, чтобы они бегали, резвились и были здоровыми? Ишь ты, собирается бить нас розгами! Я покажу тебе, старый осел!..

И Орозкул, выбежав из дому, швырнул прочь свои четки в знак протеста против муллы. Может быть, за этот мой грех бог отнял у меня брата? Нет, не может быть. Я не думаю, что он, Всевышний Бог, опустил до мелочной мести и убил моего братишку. Даже мы, простые смертные, позже провозглашали, что сын не в ответе за отца или брат за брата. Так неужели этот милостивый и милосердный бог, как называют его верующие, оказался хуже людей и наказал меня убийством моего брата? Или он за вероотступничество просто наказал меня моей хромой ногой, а моего брата же убил за его собственные какие-то грехи?

Не-ет, ноги тоже – это проделки людей из соседней деревни. В старину, бывало, часто шли ожесточенные драки между селами. По разному поводу была вражда. Иногда из-за того, что похищали девушку без ее согласия. Тогда братья и родственники девушки догоняли похитителей и избивали их до полусмерти. Бывало, и насмерть забивали. Иногда дрались из-за того, что не поделили воду в

канале. Но время от времени шли драки во время выборов волостных.

Так вот на одном из выборов Орозкула подловили противники из соседней деревни. Он возвращался тогда после агитации там через поле, где его и поймали несколько парней. Избивали его жестоко и беспощадно. Видимо, они готовы были даже убить его, потому что били и пинали без оглядки на смертельный исход, методично и хладнокровно. Орозкул лежал на земле, стиснув зубы, и даже не мог оказать сопротивления. А когда Орозкул уже совсем потерял сознание, ему перебили правую ногу.

С тех пор он и хромает на одну ногу, за что люди прозвали его «Хромой Орозкул».

5

А ведь Господь Бог убил не одного, а двух моих братьев. Позже ведь и мой старший брат Искендер погиб, и это, наверное, тоже было мезтью за мои прегрешения...

Он тогда уже учился в русско-туземной школе. Однажды, когда Орозкул учился в последнем классе школы, его вызвала в учительскую их близкая знакомая Кашкараева, которая преподавала у них литературу. Шел урок математики, который Орозкул терпеть не мог, и поэтому он сначала даже обрадовался, что его вызвали. Но то, что он услышал в учительской, рассеяло все его радости...

Тихо постучав в дверь, он смело вошел в светлый зал, где сидели несколько преподавателей и готовились к следующему уроку. В большинстве в школе тогда работали учителя с начальным образованием, среди них были даже те, кто совсем недавно окончил школу. Поэтому сами учителя, можно сказать, еще вчерашние ученики, перед каждым уроком сидели в учительской и готовились к следующему уроку.

Кашкараева была подругой родственницы Орозкула, вот почему, как позже выяснилось, ее попросили подготовить мать Искендера к тяжелому известию.

Орозкул, еще не подозревая, в чем дело, решительно шагнул в зал и поздоровался со всеми. Так его учили преподаватели: не стоять робко у двери учительской, а предварительно постучав в дверь, смело входить. Что Орозкул и сделал.

– А-а, Сатылганов? Входи, входи, дорогой, – Кашкараева обняла его и повела в глубь зала.

Орозкул уже тогда удивился фамильярности своей учительницы, чего обычно он не замечал за ней. Но было приятно, что с ним разговаривают как с равным.

Они сели на стулья, и Кашкараева полушепотом, осторожно спросила:

– Как там твоя мама?..

– Что «как»? – удивился Орозкул, не подозревая, к чему она клонит.

– Мама... Ну, как ее здоровье? Как поживает?

– Хорошо поживает, – ответил Орозкул, все еще удивляясь, почему она вдруг заинтересовалась его матерью.

– Хорошо?.. Хорошо, – Кашкараева так волновалась, что Орозкул все больше удивлялся тому, что происходило с учительницей.

А она тем временем продолжала расспрашивать о матери:

– А как у нее с сердцем?

– Что «как»? Я не знаю, – честно признался школьник.

– Ах, да, я понимаю... Я понимаю, у нее с сердцем все должно быть в порядке, так?

– Так...

– А отец тоже в порядке?

– Да...

– Понимаешь, Орозкул, – наконец учительница, кажется, решилась. – Понимаешь... Тут такое дело... У тебя же есть брат?

– Да.

– И он учится в Пишпеке (**Пишпек – старое название города Бишкек*)?

– Да.

– А от него есть какие-нибудь вести? Когда он в последний раз вам писал?

– Неделю назад мы получили от него письмо.

– А потом? Потом вы получали от него какие-нибудь известия?

– Кажется, нет... Точно, нет.

– Понимаешь, Орозкул, – теперь уже увереннее продолжала Кашкараева свои объяснения. – Дело в том, что твоего брата арестовали...

Тут она замолкла, по-видимому, ожидая его реакцию. Орозкул молча слушал.

– Он обвинялся за попытку покушения на жизнь генерал-губернатора. Ты меня понимаешь?

Орозкул молчал.

– Он хотел убить генерал-губернатора, понимаешь?

– Убил? – резко спросил Орозкул.

– Нет, ему это не удалось... И вот его арестовали и... затем повесили...

Учительница замолкла. Молчал и Орозкул.

– Вот письмо, – наконец Кашкараева дала ему в руки письмо, где оповещалось, что его брат повешен. Крепко сдвинулись брови Орозкула, и он долго молчал над письмом.

С тех пор он был уже не прежним веселым мальчиком, а вполне взрослым человеком. Это было страшное горе для всей семьи. Особенно для Орозкула. В

школе стали на него посматривать с подозрением. Учителя побаивались ставить ему хорошие отметки, потому что им и так попало за то, что они выпустили его брата Искендера с золотой медалью. Вчерашние друзья сторонились Орозкула, и даже любимые его учителя испуганно отводили глаза от него, когда тот с недоумением смотрел на них, удивляясь тому, как они быстро изменились. Орозкул стал серьезнее, молчаливее, но продолжал настойчиво заниматься. Он часто задумывался над тем, правильный ли путь борьбы выбрал старший его брат, и говорил про себя: «Нет, не так надо было делать. Ничего, я сделаю по-другому».

6

Орозкулу отсюда, со своей комнаты, слышно все: и то, как соседи сплетничают меж собой; и то, как они ругаются друг с другом, ссорятся из-за воды в арыке, которую переправил себе другой, не тот, кто ее привел сюда, в свой огород; и то, как мальчишки дерутся, иногда играя, иногда по-настоящему; и то, как один из соседей, пьяный, еле плетется на ногах, то падая в канаву, то ругается про себя бранным словом; и то, как подвозят девушек с этой улицы, увезенных еще вчера ночью для увеселений; и то, как плачут дети, не поделившие игрушки; и то, как юноши признаются в любви своим любимым; и то, как их мамы проклинают друг друга, понося всякими словами, от коих у другого уже давно увяли бы уши. И еще многое-многое другое.

Раньше они еще как-то общались с соседями, но в последние годы те перестали к ним ходить. Это его жена тогда так ловко спровадила соседок, что теперь ни один из них даже не желал ступить за порог их дома.

Вообще, соседи – очень ушлый народ, а его соседи были пуще всех. Однажды они вдруг решили их проведать, не понятно, с какой целью. Может быть, просто так, как это бывает у соседей: один скажет, мол, почему это их сосед всегда сторонится, ни к кому не ходит в гости, не участвует ни на поминках, ни на свадьбе, и вообще, никого даже не позовет в гости. А остальные, разумеется, подхватили. И вот женщины уже собрались и решили сами без спросу, без приглашения заявиться в гости.

Тогда его жена, увидев сразу одновременно столько непрощенных гостей, вынесла к порогу, где суетились соседки, снимавшие обувь, огромный тазик с водой, и привыкшая сама к чистоте, предложила всем умыть ноги прежде, чем войти в дом. Не ожидавшие такой встречи соседки сначала растерянно посмотрели друг на друга, не зная, как поступить дальше, затем смущенно постояли у выхода, и когда одна из них без оглядки выбежала на улицу, остальные тоже ринулись вслед за ней.

И, конечно же, лишь в последние годы, когда Орозкул заболел, и когда он

разогнал своих родственников, прокляв их за то, что те с презрением и брезгливостью терпят его, а сами готовы поскорее его похоронить и затем поделить его имущество, конечно же, после всего этого соседи тоже боялись заходить к нему в дом. А о том, что происходит в гузере, Орозкул узнавал лишь по рассказам своей жены.

Однажды она рассказала, как в дом Джоробека пробрался вор. Они потом долго смеялись над этой историей.

– Он, что, не спит со своей женой? – похихикивая, спрашивал Орозкул. – Как же он не смог отличить вора от своей жены? Этак вор украдет и его жену вместе с вещами... А может, он и вовсе не вор, а ее любовник, а? – и он еще больше расхохотался. – Может, он решил похитить его жену?.. Как же он оплошал? Он прямо так и погладил вора, думал, что это его жена?.. А потом погнался за ним?.. Ну как же, он так и даст себя схватить, этот вор...

А когда жена рассказала о том, как отравили собачку, Орозкул долго возмущался.

– Фашист он, этот Джумабек! – однозначно отозвался он про соседа. – Как он мог отравить бедную собачку? Ведь она ни в чем не виновата...

– Так его жена отравила, – пробовала было поправить его старуха.

– Все равно! – не унимался Орозкул. – Он должен был воспитать свою жену так, чтобы она не травила собак...

Так и узнавал он время от времени о соседях, о том, что происходит в городе, как поживают родственники.

Станный это народ – родственники! Они появляются лишь тогда, когда ты им нужен, а когда они тебе нужны, каким-то странным образом исчезают. И потом эти самые родственники всегда липнут только к тем, кто может им помочь, а когда кому-нибудь требуется их помощь, они бессердечно отталкивают его. Более того, они и есть твои самые первые враги, потому что именно они, а никто иной, распространяют о тебе грязные слухи; именно они, а никто иной, первыми бьют тебя сзади, когда ты и так падаешь; именно они, а никто иной, копают под тебя и помогают твоим врагам свалить тебя. Правильно говорят, что нет справедливого царя, если у него много родственников...

Помнится, когда Орозкул впервые приехал в Музтер, он решил переночевать у своего дяди, который уже давно обосновался здесь. И когда он появился у порога, самого дяди не оказалось дома, а его жена, молодая и красивая, стояла на пороге, преградив ему путь.

– Здесь живет дядя Оторбай? – помнится, смущенно спросил Орозкул.

– Кому-нибудь он, может, и дядя, но только наш дом – не гостиница, – резко ответила ему жена дяди.

Орозкул молча вышел со двора, но не стал уходить, а только присел на

скамейку, устроенную на улице, и решил подождать. Наконец, дядя сам вернулся с работы, увидел его, обрадовался:

– Орозкул! Дорогой ты мой! Когда ты приехал? Давно? – начал расспрашивать он и посмотрел на свою жену. Та, сверкнув очами, исчезла за порогом. – Ну что же мы стоим у порога? Проходи, проходи, дорогой...

И дядя провел его в дом. Они вместе вошли в комнату, дядя посадил его на почетное место, а сам пошел переодеваться. И тогда Орозкул услышал перебранку в соседней комнате:

– Ты вечно позволяешь своим родственникам превращать наш дом в гостиницу! – отчетливо доходили до него слова жены дяди.

– Не смей больше так говорить о моих родственниках! – так же громко кричал дядя, то ли действительно возмущившись, то ли просто для того, чтобы это слышал племянник и передал всем родственникам в селе, как он заступается за них.

– Да все твои родственники — прохвосты, и я не намерена быть им кухаркой, – визжала жена дяди, наверное, тоже для того, чтобы слышал Орозкул и передал услышанное остальным родственникам. Еще многое другое говорили они, пытаясь перекричать друг друга. Но Орозкул не выдержал и выскочил на улицу, оставив узелок с гостинцами, который его мать передала своему брату. Дядя даже не стал догонять его, чтобы снова вернуть, хотя на улице уже было темно, а ему больше некуда было идти. Орозкул озяб и, хотя на улице еще не было зимы, весь продрог. Он тогда ночью прошел девятнадцать километров, чтобы снова вернуться к себе домой. И тогда он поклялся про себя, что непременно вернется в Музтер, здесь найдет себе хорошую работу, заработает много денег и купит дом своего дяди. Именно дом дяди, а не какой-нибудь другой.

И он вернулся в Музтер, добился всего, чего хотел, и даже купил дом своего дяди, который после этого уехал обратно к себе в село и там умер.

Вот они какие – родственники!

7

Вообще, в привычке у Сатылгановых было не только зарекаться, но и выполнять свой зарок любой ценой. Орозкул хорошо помнил, как его отец вступал в колхоз. Он был к тому времени хотя не богатым, но уже одним из обеспеченных в селе, и поэтому когда Орозкул, как председатель колхоза, пришел к отцу и попросил первым вступить его в колхоз, тот не медля согласился. Но он взял клятву со своего сына, что Советская власть действительно обеспечит людям светлое будущее.

– Но как ты понимаешь это светлое будущее? – спросил он своего сына.

– Ну, как вам это объяснить? – задумался Орозкул. – Понимаете, отец, мы не

обещаем, конечно, как муллы, каждому по гурию в райском саду или молочные реки и кисельные берега. Нет, мы не утописты, чтобы обещать нереальное. Зато мы обещаем, например, что через год-два вы снова вернете себе свое богатство и, более того, через несколько лет все колхозники станут зажиточными. Это-то мы уж точно обещаем...

– Ладно, сынок, – согласился его отец. – Я верю тебе. Кто, если не я, должен поддержать тебя в твоих начинаниях? Хорошо, я отдам в колхоз всех моих овец, и даже коров отдам. Но, имей в виду, если через год-два мне не удастся вернуть нажитое, то я перестану верить твоей новой власти. А что это означает, ты это сам понимаешь. Ты знаешь, что я не боюсь работы. Все, что я добыл, это досталось мне моим терпеливым трудом. Кровью и потом я добывал свой хлеб насущный. И если же я через год верну свое богатство, то я поверю в то, что Советская власть – действительно самая справедливая власть на свете. И тогда я завещаю своим детям и детям своих детей верно служить этой власти. завещаю не красть, не лгать, не убивать. Но, не дай бог, если все обернется наоборот!.. Тогда я прокляну эту власть, пусть даже эта твоя власть, прокляну и завещаю всем своим потомкам красть, обманывать и убивать. В общем, бороться против Советской власти. Ты понял меня?..

– Понял, – согласился тогда Орозкул, но тут же с опаской подумал о будущем. А что, если не оправдаются мои ожидания, не сбудутся мои мечты? Тогда отец точно пойдет против меня и моих соратников. Он ни перед чем не остановится. Значит, тогда он станет врагом Советской власти?..

Он тут же отогнал от себя мрачные мысли. Да нет же, все устроится нормально. И отец через год или два вернет свои богатства, и все колхозники станут зажиточными, и Советская власть будет процветать.

То ли эта его крепкая вера в новое дело помогла Орозкулу, то ли действительно Советская власть оказалась на поверку надежной, только уже через год его отец действительно вернул себе все, что отдал колхозу, а через несколько лет еще и прибавил в богатстве. И отец сдержал свое слово: он всем рассказывал про свою клятву и наставлял остальных людей:

– Люди, слушайте, – говорил он. – Эта Советская власть — на самом деле самая лучшая, самая справедливая и самая надежная власть на свете. Люди! Берегите свою страну, свой народ и свою власть. Толковый и трудолюбивый человек при нынешней власти и сам разбогатеет, и людям поможет. Крепкая она будет, эта Советская страна! Служите, люди, своей стране, своему народу и своей власти...

Но тогда, действительно, в Советской стране было лучше. Это потом уже все пошло наперекосяк. Орозкул и сам не знает, что тогда случилось, почему это вдруг разом вся жизнь в стране перевернулась...

Однажды его вызвали в ЦК. Уже прибыв в столицу, Орозкул узнал о том, что многие прежние руководители отстранены от должностей. Поговаривали, что это связано с недавним приездом Троцкого в Киргизию. Оказывается, он даже побывал на Иссык-Куле и почти все руководители республики, встречавшиеся с ним, были арестованы НКВД. Подробности Орозкул узнал на другой день, когда один из секретарей задал ему вопрос о положении в Музтере:

– Как у вас там? Люди еще не бунтуют?

– Нет, – удивился Орозкул. – А почему они должны бунтовать?

– А потому, что у вас в Музтере тоже живут одни саяки (**Саяк – один из киргизских родов*), – в резких тонах ответил ему секретарь. – Вы знаете, что иссык-кульские саяки готовили заговор против Советского государства?

– А почему? – все еще не понимал сути разговора Орозкул. – Почему именно саяки? И какое отношение имеют иссык-кульские саяки к нам? И о каком бунте идет речь?

– Так ты еще не знаешь, что готовился заговор против нашего государства? – почти в истерике закричал секретарь. – Ты хоть знаешь, что к нам приезжал Троцкий, этот негодяй, так долго притворявшийся нашим другом?

– Нет, я слышал об этом, но какое отношение имеет товарищ Троцкий к иссык-кульским саякам? – все еще удивленно расспрашивал Орозкул. – И какое все они имеют отношение к музтерцам?

Секретарь, по-видимому, только теперь поверил в искренность удивления Орозкула: он немного понизил голос.

– Значит, не знаешь, – и он не спеша стал объяснять суть своих вопросов. – Дело в том, что мы получили сигнал о готовящемся заговоре саяков против Советского государства. Как известно, саяков в народе называют «кыргызскими евреями», а Троцкий – тоже еврей. Так вот, этого самого твоего «товарища Троцкого» арестовали. Он оказался врагом народа, готовящим вместе с другими своими соплеменниками переворот в стране. А так как он недавно побывал на Иссык-Куле, не трудно догадаться, что он там встречался с «кыргызскими евреями». Теперь понял, почему я спрашиваю о положении в Музтере?

– Ну, подождите... Это какой-то абсурд! – совсем растерянно произнес Орозкул. – Ну, это же совсем нелепое рассуждение... Да, про саяков говорят, что они «кыргызские евреи», это так... Да, они проживают как на Иссык-Куле, так и в Музтере. Более того, в Музтере они составляют восемьдесят процентов населения. Но это же вовсе не означает, что саяки так сразу и примкнули к Троцкому...

– Все это не абсурд! – возмутился секретарь рассуждениями Орозкула. – Это вполне реальная ситуация. Троцкий вполне мог приехать с целью поднять саяков на борьбу против большевиков, а саяки вполне могли поддержать своих

этнических собратьев. Поэтому мы и арестовали многих руководителей, сопровождавших Троцкого в поездке на Иссык-Куль. И тебя, Орозкул, вызвали, чтобы узнать об обстановке в Музтере. Нет ли у тебя там никаких поползновений?

– Нет, конечно...

– Тогда слушай меня внимательно, – секретарь заговорил шепотом. – Ваш район тоже подпадает под неблагонадежный район. А все из-за этих самых саяков. Кстати, а ты сам какого рода будешь-то?..

– Ну, ясное дело, я тоже, получается, саяк, – Орозкул понял, что над ним сгущаются тучи. – Я же говорил, что в Музтере восемьдесят процентов населения – это саяки...

– А вот это уже плохо, – покачал головой секретарь. – Очень плохо. Так что теперь тебе придется доказывать свою преданность партии и народу. Ты как никогда должен будешь поработать, чтобы защитить свою честь. Иначе тебе никто не поможет, даже я...

– А что... что я должен буду сделать, чтобы мне поверили? – Орозкул был полон решимости действовать. – Я готов сделать все, чтобы доказать свою преданность партии... и народу...

«Народу» у него прозвучало не совсем убедительно, но секретарь не обратил на это внимания и продолжал поучать Орозкула:

– В первую очередь, ты должен выявить всех заговорщиков в Музтере, – начал он перечислять на пальцах. – Затем ты должен будешь провести кропотливую работу по искоренению заговорщических настроений среди людей. В общем, ты должен показать, что у тебя в Музтере все благополучно. Ясно?

– Ясно, – обрадовался Орозкул, что ему все еще доверяют. – Я сделаю все, чтобы не подвести вас...

– Тогда сегодня же возвращайтесь к себе домой и приступайте к работе, – был приказ, который давал Орозкулу шанс выжить в этой кутерьме.

И он немедля пустился обратно в путь. И, как оказалось, правильно сделал, потому что если бы он еще чуть задержался, то уже было бы поздно. В те времена приходилось проделать долгий путь, чтобы добраться до столицы, и столько же, чтобы вернуться. Так что в его отсутствие в течение почти недели в Музтере события развивались с такой бешеной скоростью, с какой сейчас они происходят лишь в кино.

Когда Орозкул прибыл в Музтер, он первым делом поехал ко второму секретарю, чтобы узнать обстановку в районе. Так как Орозкул прибыл в Музтер ночью, то ему не хотелось дожидаться утра, и он сразу направился к нему домой.

– Плохи дела, – тут же сообщил второй секретарь, когда он вошел в дом и уселся на стул. – Как только вы уехали, по всему Музтеру расползлись слухи, что

сажают всех саяков подряд. Народ в смятении, никто не выходит на работу. Некоторые люди уже повыехали из Музтера. Остальные тоже приготовили пожитки, чтобы в любой момент тронуться в путь...

– Кто распустил слух?

– Не знаю... Ну, уж точно не друг саяков.

– Понимаю. Куда, в основном, бегут люди?

– Конечно же, в Джумгал, – ответил второй секретарь. – Бегут в надежде присоединиться к остальным саякам.

– Но это же прямая дорога к гибели! – возмутился Орозкул. – Они этим самым играют на руки клеветникам. Теперь уж точно решат, что саяки объединяются, чтобы поднять бунт.

– Да, это так, – согласился второй секретарь. – Они именно этого и хотят... В борьбе за власть чего только не сделаешь. Вот и выдумали этот слух о заговоре саяков, чтобы устранить конкурентов.

– Ну да, – подтвердил Орозкул его слова и рассказал все, что узнал в Пишпеке.

– Так вот в чем дело! – плеснул руками второй секретарь. – А я-то думаю, с чего это вдруг взбунтовались люди! Теперь понятно... Ну уж ясно, что Троцкий тут совсем ни при чем...

– Но люди-то этого совсем не понимают, – с отчаянием вздохнул Орозкул. – Ладно, что нам теперь делать? У тебя есть какие соображения?

– Я полагаю, надо остановить народ.

– Это понятно. Но как?

– Надо уничтожить мост на перевале. Это их единственный путь проехать в Джумгал.

– Едем немедленно, – Орозкул встал с места. – Туда долго ехать. В Кодуле возьмем лошадей и в путь...

Они всю ночь мчались на конях к Перевалу Сорока Девушек. Там некогда, говорят, замерзли сорок девушек. Действительно, рядом есть могилы. Орозкул был совсем голоден и к тому же очень устал, поэтому он был сильно зол. До перевала они доехали к вечеру другого дня. Они еще издали заметили огромный поток людей со всяким домашним скарбом, кто на коне, кто пешком движущихся по направлению к мосту. Орозкул со вторым секретарем припустили коней и обогнали усталых и голодных людей. Через некоторое время беженцы увидели вдаль дым от горящего деревянного моста. Отчаянию людей не было предела, и они готовы были растерзать поджигателей. Но и Орозкул был не лыком шит: он держал наготове револьвер и, казалось, тоже готов был стрелять в кого угодно.

И вот сошлись у горящего моста целый поток беженцев и Орозкул с немного

поодаль стоящим вторым секретарем. Впереди всех стоял племянник Орозкула по линии матери.

– Вы что сделали, дядя? – грустно спросил племянник.

– Возвращайтесь назад, – решительно сказал Орозкул. – Возвращайтесь, иначе вам всем будет худо.

– Мы не вернемся, – не менее решительно отвечал племянник. – У нас дети, жены и старики. Мы не хотим повторить Уркун.

– Вот именно! – закричал Орозкул. – Вы как раз и повторяете Уркун. Вас никто не собирается трогать, если вернетесь. А если же не вернетесь, тогда вы окажетесь в числе заговорщиков, и тогда вам действительно никто не поверит. Послушайте меня, я только вчера вернулся из Пишпека. Меня просили передать вам, что вас никто ни в чем не обвиняет.

– Ну, а как же с исык-кульскими саяками? Их же уже попересажали. Говорят, уже некоторых расстреляли.

– Это все слухи! – сердито произнес Орозкул. – Никто никого не расстреливает. Так что вернитесь, земляки!

– Не верьте ему, люди! – вдруг вскричал его племянник. – Он все лжет... Он и тогда, помните, при вступлении в колхоз нам лгал, и теперь лжет...

– Орозкул никогда не лгал, – более всего его разозлило то, что это говорил его племянник, поэтому он обратился к остальным. – Или вы слышали, чтобы я когда-нибудь лгал, земляки? Разве я солгал, когда просил вас вступить в колхоз? Разве Советская власть не дала вам всем землю, о котором вы до революции только мечтали? Разве жизнь ваша не наладилась после вступления в колхоз?..

Люди трусливо прятали глаза. Орозкул подумал, что его слова проняли соплеменников, и еще раз потребовал, чтобы те вернулись. Люди молчали, но назад не поворачивали. А мост между тем весь сгорел.

– Ну, и куда вы теперь пойдете? – сказал Орозкул, глядя на тлеющие угольки. – Идите... Ну, идите же, куда вам надо...

Неожиданно для него племянник обратился к людям:

– А мы пойдем в обход, через перевал, – сказал он. – Во время Уркуна наши отцы перешли через Туздуу-Суу, и мы пойдем тем же путем.

И люди все до единого пошли за ним. Орозкул не ожидал такого поворота дел: сначала он растерялся, долго смотрел вслед беженцам, но потом, опомнившись, снова поскакал наперерез.

– Я не отпущу вас, – он держал наготове револьвер, решимый выстрелить в кого угодно, кто осмелится ступить шаг. – Возвращайтесь домой...

– Не слушайте его, – сказал племянник и первым шагнул вперед.

И в это время прозвучал выстрел. Его племянник был убит наповал. Люди, испуганные, остановились и долго, непонимающе смотрели на мертвого. Вначале

Орозкул тоже был напуган. Он сам не понимал, как пальцы его нажали на курок. Но вскоре, взяв себя в руки, он более решительно проскрипел зубами.

– Я сказал, поворачивайте домой!..

Беженцы, видимо, решили не испытывать судьбу: они повернули назад.

По приезду в Музтер они узнали, что вслед Орозкулу из Пишпека на подмогу прибыл отряд НКВД. Они, правда, никого из бежавших не трогали, но под шумок раскулачили несколько зажиточных людей Музтера. Среди них оказался и отец Орозкула, но сын уже не мог вмешаться.

Сейчас меня обвиняют в том, что я в то смутное время не защитил своих земляков. Но я тогда не смог защитить даже родного отца! Любая моя попытка защитить кого-либо расценивалась бы в ту пору как пособничество заговору. Что я мог сделать? Единственное, что я тогда смог сделать для своего народа, это сохранить тех, кто был с нами. Иначе под предлогом раскулачивания и борьбы с врагами народа уничтожили бы весь род саяков. А я предотвратил это. Вот что я сделал для народа. А кто-нибудь помнит об этом сейчас? Нет, конечно, об этом люди сейчас пытаются умолчать. Им лишь бы обвинить кого-нибудь и оправдаться в собственных прегрешениях. Из всей этой истории музтерцы запомнили только то, как я расстрелял собственного племянника и раскулачил своего отца. А что мне оставалось тогда делать? «Бей ближнего, чтобы дальнему было худо», — говорят в народе. Вот я и убил непокорного моего племянника, который подстрекал людей к побегу, и раскулачил отца, показав тем самым пример преданного служения партии и народу. Да я и не стрелял бы в моего племянника, послушайся он меня и отпусти народ восвояси. Нет, он же сам уперся и ни в какую. Да и отец тоже хорош! Нет, чтобы жить, как все, вечно лезет из кожи вон. Ну, разбогател, и что? Ведь никому не нравится, когда кто-нибудь живет лучше его... Так, что? И меня сейчас народ не любит потому, что я богат? Повторись история, значит, и меня могут раскулачить?..

Тут все его тело пронизало страхом...

10

Когда Орозкул пришел в себя и открыл глаза, кусочек неба, видневшийся из окна, был затянут сумерками. Что-то медсестра запаздывает... Больной беспокойно заворочался в постели: он хорошо знает, что она не сможет его вылечить, но все равно привык ее ждать. Медсестра была единственным человеком, с которым больной привык разговаривать в последнее время. Они не болтают много, так, перекинутся парой-другой вопросов: девушка справится о его здоровье, старик, в свою очередь, расспросит о ее семье – вот и весь их разговор. Но каждый раз, как она появляется, ему становится легче: комната его наполняется каким-то неизвестным ранее очарованием, а его самого охватывает

такое нежное чувство, что он потом, после ее ухода, с нетерпением ждет ее нового посещения. Когда же она, наконец, придет?.. Старик нетерпеливо заерзал в постели. Почему она задерживается? Может, и она уже потеряла веру в мое исцеление? Тогда, значит, пришел мне конец... Больной закрыл глаза и склонил голову на подушку.

За окном рычит ветер – видно, ночью будет гроза. Вдалеке послышался грохот грома, раза два сверкнула молния. Старик лежал неподвижно, лицо осунулось, побледнело. А может, она боится грозы? У него на душе затеплилось. Если так, то ладно, подожду еще...

Он не заметил, как вздремнул, и лишь когда заскрипели створки ворот, он испуганно очнулся. Через некоторое время у порога появилась девушка в белом халате.

– Здравствуйте, отец! Как спалось сегодня? – она улыбнулась, и комнату словно озарило светом. – Я не напугала вас?

– Нет-нет, милая... Заходи... Проходи в дом, – больной не скрывал своей радости. – А я уж думал, ты не придешь сегодня...

– Как же я не приду, отец, – медсестра с жалостью посмотрела на старика и затем поставила свою сумочку на стол. – Сын тут у меня приболел, извините за опоздание.

– Сын? Ты не рассказывала мне о нем, – сердце старика екнуло. – Ну, проходи, проходи же... Ничего, что опоздала, зато ведь пришла.

Медсестре стало стыдно, что солгала про сына, но не могла же она рассказывать больному о том, что прямо сейчас произошло на улице: он опять переволнуется, рассердится, а этого как раз ему не следует сейчас делать. Она раскрыла сумочку и достала из нее лекарства, шприц. Старик, чтобы не рвать раны при девушке и не вызывать у нее отвращения, заранее перевернулся на бок и приготовился.

– Ночью хорошо спали? – медсестра задала свой обычный вопрос.

– Спал нормально, – ответил, тоже как обычно, старик. – Ночь прошла спокойно.

Комнату заполнил приятный запах: кажется, медсестра обмакнула вату в спирт. Больной когда-то пил водку, может быть, поэтому этот запах ему показался более нежным, чем его собственное зловоние. Он осторожно оглянулся назад: девушка не спеша набрала в шприц жидкости и затем, подняв иглу вверх, спрыснула из него немного содержимого.

– Ты почему это делаешь? – старик, наконец, спросил о том, что у него всегда вызывало любопытство.

– А что я делаю? – удивилась медсестра.

– Ты почему каждый раз выливаешь чуточку лекарства? – уточнил вопрос

больной.

Девушка улыбнулась.

– Так я не лекарство выливаю, – сказала она. – Это я выпускаю воздух из шприца.

– А что будет, если его не выпустить?

– Что будет? – девушка слегка вздрогнула. – Тогда... Тогда может пойти заражение... Тогда... больной может умереть.

Старик понимающе кивнул головой и снова отвернулся. Его не напугало это сообщение, он отнесся к нему как-то спокойно. Медсестра наклонилась и сделала ему укол в ягодицу. Больной не вздрогнул, как это обычно делают остальные, он даже не почувствовал боли, наоборот, он слегка повернул голову и внимательно следил за каждым ее движением. Медсестра, как всегда не спеша, словно выверенными заранее действиями, медленно выдавливала из шприца все содержимое. Даже не дрогнет, бедняжка! И сколько в ней сил, в этой щупленькой пичужке? Другого бы на ее месте уже раз десять вырвало... Э-э, да что там говорить: другие бы уже давно сбежали отсюда...

– Доченька, а вас что, даже этому учат?

– Чему, отец?

– Не брезгать.

– А что? – девушка, видимо, не поняла смысла вопроса. – Я что-то не так делаю? Вам больно, отец?

– Нет, мне просто хотелось узнать... Все люди обходят мой дом за версту, а ты даже не сморщишься ни разу.

– Отчего же морщиться, у нас в больнице и не такого насмотришься.

Привыкла уже...

– Это хорошо, что привыкла.

– Чего уж хорошего? Просто нет иного выхода.

– Да, конечно. Уж лучше бы никто не болел.

Закончив, медсестра стала собираться домой.

– Я пойду? – она чуть не сказала, что приболела, но, вспомнив про ложь о сыне, решила еще раз воспользоваться ею. – Дома ждут... Сын что-то приболел...

– Да, конечно, доченька, – неохотно согласился больной. – Иди, иди к сыну...

Медсестра собрала свои вещи, уложила их в сумку и ушла домой. Старик, укутавшись в одеяло, крепко заснул.

В эту ночь он опять спал спокойно: ему ничего не снилось. Когда утром он открыл глаза, лучи солнца уже коснулись краешка его постели. Который же час? Наверное, уже полдень.

Через стену слышно, как на улице, у его окна, кто-то о чем-то бормочет.

Наверное, опять сплетничают про меня. И носы, наверное, крепко зажали. Ладно, пусть бурчат – скоро я вас всех сделаю гнусавыми. Больной, довольный собой, улыбнулся. Ишь, какие мы чистенькие! Вы что, сами никогда не воняете? Нет уж, вы в десять раз вонючее меня! Ваши души тоже вонючие: сегодня вы хвалите и возносите одного, а завтра снова его втоптываете в грязь. Лицемеры!.. Так кто же из вас лучше меня? Уж не Джумабек ли со своей женой, отравившие безвинную собачку только из-за того, что поссорились со своим соседом Шигаем? Да и то, из-за какого пустяка они поссорились? Из-за кетменя. Фу на вас!.. Или этот гаишник с кривым носом лучше меня, он, который отобрал права у своего родного брата и у водителя, который привез его родного отца? А может, этот алкаш Калмурза, который что ни день пьяный, а у самого дети ходят в лохмотьях, так что соседи собирают им из поношенного своими детьми? Или же легендарный Паша, рыскающий везде в поисках кого бы посадить или, в крайнем случае, выгнать с работы? А этот Акимбай... Всю жизнь хвалился, что его сын работает в городе большим начальником, а когда поехал проведать его, оказалось, что тот всего-навсего лишь ассенизатор. Проще говоря, говновоз... Тут у них еще один сосед есть, он лишь недавно объявился в Музтере. До этого, оказывается, много лет работал в городе. Тот хотя бы художник, пусть даже оборванец... Недавно он сам приходил ко мне. Говорит, что уважает таких людей, как я. Уважает за то, что мы крепко держали власть, и при нас был порядок. Уважает за то, что мы, несмотря ни на что, сильные люди. За то, что мы вели народ за собой. Так что есть еще люди, умеющие оценить нас!..

Тут старик опять приободрился: он вспомнил годы своей далекой молодости. Когда-то и я был здоровым и сильным, и тогда я правил вами... Он в одно время долго был главой Музтера, можно сказать, был его правителем. Музтер был тогда лишь небольшим поселком, состоящим из нескольких поселений, оставшихся на месте древнего города-государства. Он и поднял его из руин процветавшего некогда могущественного города. Только он в то время не понимал, что такое власть, что такое государство и народ. Он изо всех сил направо и налево ругал прежних царей, правивших до него этим величественным владением, всячески чернил их имена в глазах простого люда, который, по его же собственным словам, должен был в будущем управлять всем в этих краях. Не знал он тогда, что, потакая черни, он тем самым растаптывает не только ореол власти усопших давно правителей, но и заранее разрушает под собой основу неокрепшей еще своей собственной власти. Раньше он ругал власть царей, а теперь люди проклинаят его власть. И то, что он заработал за свое многолетнее преданное служение народу – так это их злобу на себя же самого и эту вот болезнь. Любой народ ненавидит любую власть, но и без власти прожить не может, ибо не может она, многотысячная толпа, без управления сверху найти тот единственный путь,

по которому идти им всем, где-нибудь заблудится или в разногласиях уничтожит сама себя. Это он понял сейчас. А тогда, когда он, безвестный юноша, выбравшийся волею судьбы из среды той же самой черни на поверхность хода истории, вдруг обрел власть, ему казалось, что он все сможет изменить, сможет даже, если понадобится, перевернуть горы. И вступил он тогда в единоборство со всем миром, то бишь, с косностью, невежеством и алчностью людей, пытаясь разрушить все, что он счел непригодным для совершенствования человеческой природы. Но мир не поддался его усилиям, более того, мир изо всех сил сопротивлялся ему, и вот в конце своей жизни он лежит больной, отвергнутый людьми, за счастье которых, как ему казалось, он когда-то боролся. О время! Неужели тебе не подвластен даже этот мир, созданный для совершенствования его природы и неужели ты оставишь его в том виде, в каком он находился с тех самых пор, как на свет появились первые люди, первочеловеки Адам и Ева? Значит, все мои тогдашние старания нужны были лишь мне и никому более, и напрасны были все мои мытарства, направленные, как мне тогда казалось, на дальнейшее совершенствование законов бытия. Неужели ничего не изменилось с тех пор, как я бросил вызов небу и, не жалея сил, вступил на путь борьбы за новое. Я выступил против всего того, что мешало нам продвигаться вперед, против всего окостенелого, застывшего, призванного убедить людей в неизменности мироздания, в незыблемости, в вечности его устоев и законов, определяемых только самой природой? И неужели человек так слаб перед этой холодной и вечной силой, именуемой Историей, что он не может даже противоречить ей, не может попытаться пойти по собственному, лишь им самим избранному пути? На что же он тогда – Человек? На то только, чтобы покорно нести бремя собственного существования? Или чтобы быть лишь игрушкой в руках капризной Истории?

Неужели ничего не изменилось?.. Неужели ничего не изменилось?.. У него в груди колотилось, но не мог больной найти ответа на свой вопрос, и от этого еще страшнее становилось ему оставаться в живых. А смерть все не приходила...

Сон второй: ВЛАСТЬ

*Как правили гордо они в старину
Землю, что ныне у горя в плену,
И как доживали со славой они
Свои богатырские ратные дни...
Фирдоуси*

Городом, в котором родился, жил и ныне умирал Орозкул, до него правили многие цари. Разные были среди них правители: и умные, и глупые, и добрые, и, конечно же, непомерно жестокие. И по-разному они прославили себя: кто силой своего ума, а кто и силой своего оружия, кто щедростью своих воздаяний, а кто и чрезмерным увлечением пополнения собственной казны.

Про одного из первых правителей Музтера осталось в памяти жителей города лишь воспоминание, что при нем люди жили в достатке и согласии, и что он положил начало всем добрым царям, которые после него время от времени сменяли жаждавших добиться славы через страдания и кровь собственного народа. Говорят, что тот царь щедро одаривал своих подданных как добротой своей души, так и благородством своих поступков, как справедливостью своих решений, так и мудростью своих начинаний. Царь тот жил в такой глубокой древности, что даже имя его не сохранилось в памяти благодарных ему потомков, но зато осталась в народе легенда о его преемнике, одарившем всех людей благодатью своей честности и чистотой своих помыслов. Вот эта-то легенда и вспомнилась сейчас Орозкулу. Вспомнилась почему-то именно теперь, когда он уже стоял одной ногой у края могилы. Когда вся его жизнь была прожита, как ему представилось, напрасно. Когда все было испито до дна и не оставалось никакой надежды, способной утешить, успокоить его перед тем, как в последний раз полной грудью вдохнуть воздух, в последний раз посмотреть на мир незамутненными глазами. И он в отчаянном порыве старался вспомнить легенду, пытаясь утешить себя тем, что хоть перед смертью постиг истину, которую народ пронес через шумное, наполненное всякими событиями пространство, именуемое Историей. Только сейчас он понимал все величие и простоту народной мудрости, воплощенной в легенде, в которой выразились все надежды и чаяния людей, во все времена мечтавших о честных царях и благодатной жизни, мечтавших о справедливом устройстве мира и добром согласии правителей со своими подданными. Больной, умирающий старик, так и не сумевший осуществить в жизни свои благородные цели, с закрытыми глазами, но обращенным вовнутрь взором искал смысл жизни в древней, как мир, легенде, в которой, как ему казалось, можно было черпать возможности для собственного оправдания, возрождения и, наконец, хотя и позднего, но искреннего раскаяния, чтобы, по крайней мере, найти в себе силы достойно умереть. И он, кажется, нашел ее, нашел там, где меньше всего ожидал найти: истина же эта заключалась в том, что люди во все времена сами не знали, что это такое, и они заменяли ее всякими символами, отражавшими, по их мнению, то, что называется Правдой. Открыл он это для себя и удивился, удивился той настойчивости, с какой люди стремились внедрить в собственное сознание эту ложь, выдуманную лишь с единственной

целью оправдать собственные ошибки, собственные разочарования и глупости.

А легенда была проста своей мудростью, доступна своей изощренностью, наивна своей изысканностью. Вот о чем она гласила:

Жил когда-то молодой садовник, честно трудился он в поте лица, каждодневными заботами добывая себе на хлеб насущный. Был он красив и могуч телом, но жил один: не было у него ни жены, ни детей. И вот однажды, обхаживая свой сад, он подобрал в арыке (*Арык – канава) яблоко, принесенное течением откуда-то сверху, взял в руки и, как свойственно любому садовнику, стал осматривать плод. И изумился он: яблоко было красное-красное, ни единой червотчины, а форма была такой совершенной, что ни один садовод не смог бы к ней придраться. Долго созерцал он эту красоту, наконец, решил попробовать ее на вкус и откусил от яблока. Но тут же опомнился он и понял, что совершил тягчайший грех, съев без разрешения хозяина чужой плод. Пригорюнился юноша, долго раскаивался в содеянном и затем решил найти хозяина того сада, откуда ему попало это прекрасное яблоко, чтобы испросить у него прощения. Пошел он вверх по течению, надеясь найти сад. Долго шел он вдоль склона гор и осматривал в пути все плодовые деревья, но нигде не было видно яблони, с которой могло упасть это яблоко. Наконец, юноша обнаружил сад, затерянный далеко в горах, там росли точно такие же яблони с прекрасными плодами. Он зашел в дом на окраине сада и приветствовал хозяина, седого старца с белой, как снег, бородой.

– Простите меня, отец, – сказал юноша, почтительно поклонившись старому садовнику. – Простите за то, что я посмел без вашего разрешения откусить от яблока, принадлежащего вам.

Ответ был неожиданным:

– Нет, не прощу, – сказал старец. – Я не прощу тебя до тех пор, пока ты не женишься на моей единственной дочери.

Юноша опешил, но он не мог уйти, не получив от хозяина яблока прощения.

– Я согласен, – сказал он. – Я согласен жениться на вашей дочери, лишь бы вы простили меня...

– Но имей в виду, – продолжил тогда старый садовник. – У моей дочери нет обеих рук и ног, она слепа на оба глаза и глуха на оба уха. И к тому же она у меня немая.

Юноша совсем растерялся, но для него важнее всего было получить прощение своего греха, и он согласился даже на это.

– Хорошо, мы сегодня же сыграем свадьбу, – обрадовался старик. – И после этого я прощу тебе твой грех...

В тот же день старый садовник созвал гостей со всей округи, и все приходили и поздравляли их со свадьбой. Три дня и три ночи гуляли люди, но ни

разу невеста не вышла к ним. И тогда гости стали требовать, чтобы показали ее. Согласился старик-садовник и вывел свою дочь к гостям в свадебном наряде. И увидели люди девушку неопишущей красоты и изумились. Только жених стоял в стороне, бледный и, кажется, недовольный тем, что его обманули.

– Но это не моя невеста, – тихо произнес он. – У моей невесты не должно быть обеих рук и ног, она должна быть глухонемой и слепой на оба глаза. Я не женюсь на этой девушке, вы обманули меня.

– Не сердись на меня, сын мой, – рассмеялся старик, подводя свою дочь к юноше. – Я не солгал тебе. Когда я сказал, что у моей дочери нет обеих рук и ног, я имел в виду то, что она никогда не переступала за порог чужого дома и никогда не брала чужого. Когда я говорил, что она глухонемая, я имел в виду то, что она никогда не подслушивала чужие речи и не распространяла слухи. И она никогда не зарилась на чужое – вот почему я сказал, что она слепая. Прости меня, сын мой, и прими мою дочь к себе в жены. Я отдаю ее тебе с радостью, потому что я уверен, что ты честный человек, а честный никогда не может быть плохим. Аминь!

– Аминь! – подняли одновременно руки все присутствовавшие здесь гости. – Да будет счастье и мир в этом доме!..

И стали жить юноша-садовник с дочерью старого садовника счастливо и богато. А через год у них родился сын, который тоже изумил всех людей, как некогда удивили их его отец с матерью: как только исполнился ему месяц, он сразу же заговорил и стал предсказывать жителям округи, что их ожидает в будущем. Поразились люди, и приходили они к нему, кто поодиночке, а кто по двое, по трое, и каждый узнавал свою судьбу. Вот так и жили они до тех пор, пока однажды не умер царь, правивший их владениями, и впал в тоску народ, и стал хоронить своего правителя.

Все люди вышли в тот день проститься с ним, потому что они почитали его как самого доброго, самого мудрого и самого справедливого царя в истории этого государства. Пришли они все на кладбище, чтобы бросить горсть земли на могилу любимого правителя, чтобы в последний раз окропить его могилу слезами.

Но когда они стали опускать тело умершего в землю, вдруг тот распростер руки над головой и застыл в такой позе. Испугались люди, и недоумевали они, не зная, чем объяснить это. Долго думали они, гадали и никак не могли вместить тело усопшего в вырытую по его росту могилу. И собрались мудрецы со всей страны, и стали они каждый рассуждать, что бы все это значило, а покойный все не опускал руки. И тогда вспомнили люди про младенца-провидца и послали за ним гонцов, чтобы привезли его для объяснения случившегося. Наконец, когда ребенка в люльке доставили на кладбище, тот объяснил людям весь секрет такого

загадочного поступка покойного правителя.

– Он показывает свои раскрытые ладони, чтобы вы убедились, что он чист перед вами, и его руки не испачканы в крови, и он ничего не забирает с собой на тот свет, – сказал младенец.

– Мы верим тебе, о царь! Мы верим тебе! – вскричали люди.

И тогда послышался облегченный вздох, и мертвый царь опустил руки и сложил их, как прежде. И похоронили музтерцы своего правителя, и избрали умного младенца своим царем. И стал править ребенок государством, лежа в люльке. И зажил народ лучше прежнего, и благодарили люди небо за такого мудрого правителя, и росла и процветала благодатная страна Музтер, расположившаяся у подножия горы Нес.

2

Сколько мудрости и надежды в этой легенде... И как она прекрасна! Орозкул лежал и думал о добром правителе, о честном садовнике и мудром младенце. Как ясно выразил народ в этой легенде свои чаяния. С какой наивностью и простотой мечтали люди о примирении народа со своим правителем. И так было во все времена. И у всех народов. Но ни один из них не имел такого царя. Да и не существует и не будет, наверное, никогда такого правителя – это всего лишь идеал, к которому стремилась мечта человечества. А в жизни все гораздо сложнее...

Лежал Орозкул и думал о том, что он даже не попытался приблизиться к этому идеалу, наоборот, он раньше ненавидел эту легенду и старался как можно дальше уйти от той утопии, что была выражена в этой хотя и прекрасной, но все-таки небылице, выдумке. Он хотел построить реальную прекрасную жизнь здесь, на земле, обычную, сытную жизнь, где не будет места зависти, где каждый будет помогать другому. Но этого не произошло, и вот теперь он лежит перед смертью, отверженный всеми, ради счастья которых, как ему когда-то казалось, он отдавал все свои силы. Смогу ли я сейчас раскрыть ладони перед смертью, чтобы показать людям, что мои руки чисты, что я не испачкал их в крови и что я ничего не украл? И если я это сделаю, то найдется ли человек, который сможет растолковать такой мой жест людям? Нет, не найдется такой человек, потому что сейчас все люди погрязли во лжи и лицемерии, в воровстве и преступлениях друг перед другом, и нет теперь такого человека, который бы как тот младенец всегда глаголил истину. Так что не я первый и не я последний, который ошибался в этом сложном лабиринте истории, именуемом Жизнью, и нечего винить меня одного. Тогда за что... за что же вы меня судите, люди?..

Больной взглянул в сторону окна: небо затягивало сумерками. Орозкул в отчаянии отвернулся. Снова наступает вечер. Затем снова придет утро. И больше

ничего. И никакой надежды. Раньше, когда он работал, он не ощущал времени: для него существовало всего одно измерение – успел закончить дела или нет. Бывало, засядет иногда за работу, так и забывает, что уже давно вечер, лишь после того, как его глаза перестают совсем различать в темноте, включает в кабинете свет. И так сидит до утра, возится с бумагами до тех пор, пока не придет секретарша и не принесет ему чаю. А работы всегда было достаточно: сначала строили новое государство, потом началась война, а после войны пришлось восстанавливать разрушенное хозяйство. И никогда мы не ныли. И вдруг сейчас люди начинают роптать, что мы жили не так, что мы не то построили государство. А кто его строил? Вы же сами строили. А теперь мы одни виноваты? Нет, неправда все это. Это потом те, которые пришли после нас, разрушили все, и они же теперь больше всех кричат, сваливая всю вину на нас. Сами не умеют хозяйничать, вот и прикрываются теперь различными обвинениями. Властью тоже надо уметь правильно распорядиться. Мы умели им пользоваться: при нас люди много не болтали, они занимались делом. А что же сейчас? Все болтают, но никто не работает. И все ищут кого-то виновного. Эти люди сами выпустили из рук бразды правления и теперь жалуется на то, что не такое им досталось наследство. Вот мы умели управлять государством, мы всегда чувствовали свою ответственность перед народом: ведь власть – это не только умение правильно говорить, но и большая ответственность за сказанные слова. Мы, как муллы, не обещали людям райскую жизнь на том свете, мы строили обычную, но обеспеченную жизнь здесь, на земле. И люди согласились с нами, они пошли за нами. Они и поддерживали нас, и помогали нам бороться с теми, кто мешал строить новую жизнь. А разве мы не построили им эту новую жизнь? Разве сейчас люди не свободнее, чем в прежние времена? Ведь когда-то любой манап (*Манап – аристократ) мог без какого-либо суда спокойно убить простолюдина. Разве сейчас люди не стали сплошь грамотными? А ведь когда-то многие не умели даже читать. Разве сейчас люди не владеют техникой? А когда-то они лишь в сказках мечтали о коврах-самолетах, о железных быках да самодвижущихся арбах. Да, сейчас легко говорить о том, сколько ошибок мы наделали, а тогда... тогда кто мог предположить, что не все обернется так, как мы того желали. Легко, конечно, задним числом быть умниками и избаловать других. А нам тогда некогда было много раздумывать – надо было строить и много строить. И коварно лгут те, кто утверждает, будто я оставил после себя одну лишь пустыню. Никогда этот край не был пустыней, наоборот, он всегда был благодатным оазисом, где находили себе приют и пристанище многие люди из пустынных земель, когда у них самих назревал голод из-за непомерной жары. Ибо эта благословенная долина, окруженная со всех сторон величавыми горами Высокой Хары и усеянная тысячами и тысячами алых маков, всегда привлекала

взоры тех, у кого глаза были раскрасневшиеся от забившихся в них песка и сузившиеся от палящего зноя пустынь.

Здесь жили красивые, белолицые люди с голубыми глазами; они были высокими и стройными. Это был народ отважных и справедливых воинов, чьих стрел и копий страшились все окружавшие их страны, будь то богатые городами и оттого считавшиеся сильными Парфия или Согдиана, будь то далекие и оттого манящие взор путешественника Мидия или Ассирия. Правила Сакским царством красавица Зарина (“Зариной” любовно называл ее народ): природа создала ее женщиной, но она сравнивала себя подвигами с храбрейшими из мужей. Сакское царство простиралось на севере до священной реки Рангха (**Рангха — древнее сакское название реки Волга*), где вздымаются Рипейские горы (**Рипейские горы — древнее сакское название Уральских гор*); на западе до Дуная и Черного моря; на востоке до Алтая и на юге — по обе стороны Яксарта (**Яксарт — древнее сакское название реки Сыр-Дарья*).

Но правила Зарина государством не по своей воле и не по доставшемуся ей наследству. Ее муж Кидрей был человеком слабовольным и все дела государства препоручил своей храброй и отважной супруге, а сам молился богам, играл на арфе, да любил, расстелив в цветнике ковер, проводить прохладные вечера за шахматами и игрой в кости. Вот дурак! Если все время молиться богу, то когда же выполнять его волю? Не это ли самый большой грех — не выполнять волю бога, если на то пошло?..

От неподвижного образа жизни, от изнеженности и, как следствие всего этого, от слабого здоровья Кидрей скоро скончался, и вся власть в царстве полностью перешла в руки Зарины. Не только силой и мужеством одарила ее природа, но была она к тому же красивой и мудрой. А мудрость ее заключалась в том, что, овдовев, она не просто не растерялась от одиночества, но, решив расширить свои владения, заключила политический брак с парфянским князем Мермером, в результате чего прежде подчинявшиеся царю Мидии Астибару парфяне перешли под власть саков.

Мудростью правителя является сохранение собственных земель государства в целостности, но вдвойне мудрее тот, кто к своим уже имеющимся владениям прибавляет новые. А самая высшая мудрость — это когда приращение государственных земель происходит не за счет крови своего народа, а мирным путем, в результате мудрого решения собственного правителя. Мудрый правитель расширяет границы своего владения, глупый же раздает эти земли; мудрая царица, даже овдовев, хранит свою честь, глупая же и при живом муже-правителе растлевает не только своих царедворцев, но и весь свой народ. И благословенен тот народ, которым управляют мудрые цари и царицы!.. А Зарина была именно такой правительницей — вот за что любили саки свою царицу, и

они готовы были за нее отдать жизнь!

Конечно же, мидийцы, в одночасье потерявшие целое государство, ранее подчинявшееся им, вскоре оправались от такого удара и пошли войной на саков. Но те, объединившись с парфянами, дали им решительный отпор. Однако Астибар тоже был сильным противником, а войско его многочисленно и хорошо вооружено.

И вот однажды слились два этих войска в кровавом сражении, и много воинов полегло в том бою. И рекою лилась кровь, сзывая своим приторным запахом со всей округи хищников, питающихся падалью. И взлетали в воздух одновременно тысячи и тысячи стрел, и мечи-акинаки рассекали мириады искр, ослепляя самих же воинов, спотыкаясь бегающих по трупам. И отчаянные вопли ревущей и ржущей одновременно многотысячной толпы людей и лошадей рвали на части раскаленный от дыхания сразу такой огромной массы живых существ воздух. И гулкие удары боевых топоров-сагарисов, бьющихся о щиты противника, глухим эхом отлетали вместе с душами убиенных в воздух, где и поглощались палящей жарой. И копыта вонзались в железные доспехи, пробивая их вместе с укрывшимися в них нежными телами. И жижа болот, перемешанная кровью и внутренностями издыхающих двуногих и четвероногих животных, обдавала грязью лица сражающихся по пояс в иле вооруженных людей... И слышались вздохи... И издавались стенания... И лязгало оружие... И свистели стрелы...

Одна из стрел настигла Зарину и ранила ее в плечо. Царица, прикрываясь щитом от остальных стрел, обратилась на коне в бегство. Теряя силы, она помутневшими глазами видела, как ей наперерез мчался всадник, чтобы захватить ее в плен. Зарина бросилась ему навстречу и занесла копье, чтобы поразить им дерзкого мидянина, посмевшегося преследовать ее, но раненое плечо ослабло, и царица упала с коня.

Да, действительно, не посмел бы простой воин скакать за царицей, но это был знатный мидянин Стриангей, муж прославленной красавицы Раты, дочери царя Астибара. Он хотел ударить Зарину мечом, но, увидев лежащую перед ним красавицу, опустил руку. Меч мужественного воина мог поразить только мужчину, отражающего удар — даже труса он не трогает, оставляя добить его раненым или безусым юношам. А тут перед ним лежала бессильная и беспомощная красавица, на которую не могла подняться рука отважного воина. И бесстрашный Стриангей, тронутый красотой и молодостью Зарины, отпустил ее.

Царица высоко оценила благородство мужественного воина и в душе всегда искала возможность отблагодарить его за столь щедрый поступок. Разве саки не самые благодарные и благородные из всех народов?

И однажды такой случай ей представился: в одном из боев военное счастье

изменило Стриангею, муж Зарины Мермер захватил его в плен и приговорил к смерти. И Зарина взмолилась, стала просить за своего спасителя. Но Мермер пренебрег ее просьбами, так как у него были давние счеты со Стриангеем: когда-то тот, как удачливый жених, увел от него красавицу Рату, и сейчас его жена Зарина заступает за него и просит пощадить его. Но именно теперь он за все отыграется: и за уязвленное некогда самолюбие, и за ревность, пробужденную сейчас его женой. И Мермер остался неумолим и в просьбе Зарине отказал. Мелкая мстительность мужа была противна ей, и не подобало сакской царице отвечать собственному спасителю черной неблагодарностью: такой поступок не совершают обычно даже плебеи. Разве саки не самые верные в дружбе и справедливые в поступках?

Да, Мермер – ее муж, он глава семьи, но ведь и она имеет право голоса. Да, Мермер – правитель Парфии, но и она правительница Сакского царства. Причем она царица народа, привыкшего добром отвечать на добро. Особенно последнее обстоятельство не давало ей покоя: той же ночью Зарина выпустила на свободу нескольких пленных, отданных ей в заложники взамен Стриангею, и те, прокравшись незаметно в покои Мермера, убили его. Зарина же выпустила пленного Стриангея и таким образом отплатила своему спасителю за собственную жизнь. И чтобы прекратить бессмысленные войны, прекратить неоправданные кровопролития она сочла момент очень удобным и уступила Парфию обратно мидийцам и таким образом спасла свое государство от разорения.

Влюбленный же Стриангей не мог забыть Зарину и начал искать возможность встретиться с ней вновь. А такая возможность у него появилась: однажды Астибар снарядил к сакам посольство, чтобы обсудить пути дальнейшего их совместного выступления против общих врагов. Стриангей уговорил своего тестя назначить его послом в Рахшанак, Астибар, учитывая доблесть своего зятя в бою с саками, согласился. И полетел Стриангей на своих быстрых конях в стольный град, где находилась его новая возлюбленная. Зарина выехала ему навстречу, обняла его и поцеловала при всех. Затем пересела из своей колесницы в колесницу Стриангея, и они, мирно беседуя, прибыли во дворец.

В честь высоких гостей там был устроен пир, на котором столы ломились от яств.

На самом почетном месте сидела царица, а остальных гостей рассадили по порядку. Среди них были посланники и послы, прибывшие из разных стран, и прочие люди. Сначала подали много вареного, соленого и жареного мяса. Все это мясо, принесенное в огромный просторный зал, клали на круглые большие котлы

с ручками, за которые их несли по несколько слуг. Слуги же те подошли к царице и встали наготове, чтобы разнести блюда по столам, пока явились резчики мяса в передниках и в кожаных нарукавниках, чтобы не запачкаться. Резчики прямо на глазах у гостей начали резать мясо на куски и класть их в золотые и серебряные блюда. Здесь были цельные лошадиные окорока от самой спины и почечные части конской туши, которые зовутся уча. Туда же добавили бараньи окорока с бедренной и берцовой частями, чтобы после насыщения наслаждаться костным мозгом. Затем подали круглые куски лошадиных почек, величиною с кулак, и целые бараньи головы, которые предназначались для самых почетных гостей. Тем временем слуги принесли миски с бульоном, которым потушили мелко нарезанный лук и подержали прямо здесь на огне в глиняных мисках для изготовления рассола, называемого чик. После разлили его понемногу по блюдам. Затем взяли тонкие хлебные лепешки — чавати, сложили их вчетверо и положили поверх мяса на эти блюда. Подготовив все это, кравчие взяли эти блюда вдвоем или втроем, так как один человек не мог бы их нести, и поставили перед госпожой, посланниками и придворными, которые там были. Царица велела отнести посланникам в знак уважения устуканы (**Устукан — мосол, преподносимый гостю*), свой же она передала Стриангею. После того, как убрали вареное и жареное, принесли много плодов дыни, винограда, персика и подали пить в глиняных кувшинах вино и кумыс (**Кумыс — напиток из кобыльего молока*) с медом, собираемым в Долине Алых Маков у подножья Высокой Хары.

И во время угощения, и во время веселья Стриангей не отрывал своего взгляда от Зарины, надеясь, что она ответит ему хоть и мимолетным, но таким же страстным взглядом, в котором он угадает ее искреннюю любовь к себе. Но Зарина, казалось, была больше озабочена ходом пиршества и проведением веселья, нежели состоянием тоскующего и влюбленного гостя.

После пышного пира Стриангея препроводили в отведенные для него покои, где он остался на ночь, окончательно влюбленный в Зарину.

И в ту ночь Стриангей поведал своему слуге, беспредельно преданному ему человеку, тайну любви к царице и просил совета.

– Ты хоть и евнух, но в вопросах любви и страсти великий теоретик, – начал умолять Стриангей своего слугу. – Посоветуй мне что-нибудь от моей безумной любви и помоги добиться расположения сакской царицы...

Слуга посоветовал отбросить в сторону застенчивость и признаться Зарине в своей любви.

Стриангей сразу же утром отправился к царице и попросил принять его. Зарина была с ним мила и спокойна. Она внимательно выслушала Стриангея.

– Близость наша, – сказала она ему. – Была бы предосудительна и имела бы роковые последствия, как для нас двоих, так и для наших народов: ведь ты женат

на Рате, дочери царя Астибара. Красотою своею Рата превосходит меня, да и вообще всех женщин. Так почему бы тебе не остаться с ней, со своей красавицей-женой?

– Но я люблю тебя, – был ответ. – И мое сердце не выдержит разлуки с тобой...

– Так какой же ты воин, если не можешь унять свое сердце? – резко сказала Зарина. – Настоящему воину следует быть крепким духом... И надо уметь побеждать не только врага на поле брани, но и собственные страсти. Надо уметь противостоять вожделениям и ради минутного наслаждения не следует навлекать на себя долгих бед и ставить под угрозу спокойствие государств и народов. А ведь война неминуема, если Рата узнает о твоей любви ко мне.

– О том, какой я воин, тебе лучше знать, чем всем остальным, – задетое самолюбие заставило Стриангея упрекнуть любимую в неблагодарности.

– Так ты требуешь от меня еще платы за то, что спас мне жизнь? – возмутилась Зарина. – Я убила своего мужа, чтобы отплатить тебе соразмерно твоему подвигу, разве тебе этого мало? Я вернула вам Парфию, чтобы ты не подумал, будто я плачу лишь по счету, разве и этого недостаточно? Забудь о своей любви! Проси меня о чем хочешь другом, и отказа тебе не будет!

Долго молчал Стриангей. Потом простился и вышел. До рассвета бродил он по садам, по террасам дворца. Слушал пение пробуждающихся птиц, вдыхал ароматы распускающихся под утренним ветром цветов. Потом ушел к себе в покои и написал Зарине короткое письмо:

«От Стриангея Зарине. Я сохранил жизнь твою и тем дал тебе возможность наслаждаться настоящим твоим положением, а ты убиваешь меня, забывая, чем одолжена мне. Если то, как поступаешь ты со мною, дело хорошее – доживай жизнь свою в радости и счастии, если же поступок твой не безупречен – да испытаешь ты то же, что я испытываю по твоей милости».

Написав так, Стриангей сбросил сандалии и тунику и окликнул евнуха и потребовал меч. Тот беспрекословно выполнил его приказ. Взяв меч в руки, Стриангей спросил его:

– Ну, что ты теперь на это скажешь?

– Воля ваша, хозяин, – отвечивал евнух. – Одни совершают мужество при жизни, другие мужественны при смерти. Одни проявляют геройство в бою, другие – в любви. Одних любовь облагораживает, других она убивает в самое сердце. Единственное, что я могу сказать, это — не убивайте себя здесь, если ее сильно любите. Потому, что если вы покончите собой здесь, на земле любимой женщины, то тем самым вы обрекаете ее на позор. Ее будут обвинять в убийстве, причем в убийстве посла, а вы знаете, что это значит. Это значит снова война. Если же вы не любите ее, то стоит ли так убиваться? Стоит ли показывать

бездушному существу свою горячность и пылкость, особенно, зная, что это никак не будет понято им?

Задумался Стриангей над словами своего слуги. А ведь он прав, этот евнух! Если я действительно люблю Зарину, то должен ли я обрекать ее на такие несчастья, как позор и война? Если же не люблю ее, то стоит ли так сильно переживать? И также права Зарина: не стоит ради минутного наслаждения навлекать на себя долгие беды и ставить под угрозу спокойствие государств и народов.

И велел Стриангей слуге оседлать коня, и умчался той же ночью к себе на родину. А письмо то разорвал на куски и потом сжег, чтобы не давать повода другим сплетничать о себе и Зарине.

Зарина же, узнав на другой день о поспешном отъезде Стриангея, сразу поняла мудрость его решения и возблагодарила его в душе.

И стала Зарина с тех пор уже искать себе удачу не на войне, а в мирном строительстве, чтобы не навлекать на свой народ беды и самой скорее забыть об одиночестве. Она построила множество городов, один краше другого; пуще прежнего заботилась о хозяйстве страны. Так и состарилась она в заботах о собственном государстве и своем народе, и вот, наконец, пришло время ей умирать. Умирала она тоже с достоинством: собрала всех своих поданных и велела не плакать, а выполнить, как полагается, все обряды. Тело же свое просила она сжечь, как это делали ее предки, а прах рассеять по всей долине Харайванам Вайджу (**Харайванам Вайджу – мифическая прародина древних ариев*).

Жрецы и народ выполнили ее предсмертную волю.

Сожжение происходило у подножия священной скалы Пашкуча, как было принято испокон веков. Впереди шли жрецы-затары во главе с главным жрецом – кави с высоким, в половину человеческого роста, колпаком на голове. За одетыми в белое жрецами двигались ровным рядом люди, все в красных одеждах. То были самые знатные люди страны и среди них верховный вождь Липохшай, отец безвременно ушедшего из жизни Кидрея и свекор Зарины. У него на голове высился шлем – остроконечный конус с золотыми копьейцами вокруг тульи и фигуркой золотого петуха на макушке.

Сразу вслед за кроваво-красным потоком знати, называвшихся «рожденными в потомстве», шли простые скотоводы-пастухи, все сплошь одетые в синюю с желтым одежду...

Скала Пашкуча (**Пашкуч – мифическая птица у саков*) называлась так потому, что она имела очертания орлиноголового коневидного грифона с рогом на голове и золотистыми крыльями. На скале было огромное отверстие, делавшее ее похожим на глаза скакуна богов, и когда из-за дальней седловины показалось красное полукружие солнца, на скале проступили розовые блики. И тут глаз

скакуна Пашкуча вдруг ожил и засверкал огненным заревом. Громко заревели карнаи и сурнаи – и стихли. И тогда раздался торжественно-печальный хор жрецов в честь появления светила и сожжения царицы. Толпа каждый раз подхватывала слова гимна и разносила их по склонам гор, окружавших скалу. И вот ослепительный диск целиком вышел из-за горы и повис над далекой седловиной...

Да возрадуется Ахура-Мазда, (**Ахура-Мазда – верховный бог у саков-маздаяснийцев*)

– начал молитву кави, и голос его разнесся эхом по вершинам Высокой Хары.

...Тому, кто верен слову,
Дарует путь прямейший
Огонь Ахура-Мазды...
Вслед за кави все жрецы повторяли молитву, обращаясь к солнцу:
Мы почитаем Митру, (**Митра – бог Солнца*)
Который самым первым
Из всех божеств небесных
Над Харою восходит
Перед бессмертным Солнцем,
Чьи лошади быстры,
И первым достигает
Прекрасных, золотистых
Вершин, откуда видит
Он весь ариев край...

И весь народ, пришедший попрощаться со своей царицей, подхватил слова молитвы и разнес их по горам и по долам, по селениям и по городам, по всей необъятной земле сакской.

Наконец, дастур (**Дастур – главный, верховный жрец*) поднялся и печальным взором окинул людей, толпившихся вокруг:

– Достигла ли Зарина Зарингар Дадгаха (**Дадгах – священный огонь третьего ранга*)? – спросил он у сидевших слева от него эрбадов (**Эрбад – младший жрец*).

Те кивнули головой в знак согласия.

– Достигла ли Зарина Зарингар Атахши-Адурана (**Атахши-Адуран – священный огонь второго ранга*)? – спросил он у сидевших справа от него мобадов (**Мобад – средний жрец*).

Те кивнули головой в знак согласия.

– Достигла ли Зарина Зарингар Атахши-Варахрама (**Атахши-Варахрам – священный огонь высшего ранга*)? – спросил он у сидевших рядом с ним магау (**Магу – старший жрец*).

Те кивнули головой в знак согласия.

И тогда дастур поднес факел и поджег костер, который огромным пламенем охватил мертвую царицу. Огонь быстро поглотил усопшую и вознесся в небо...

Подданные же в знак признательности за благодеяния Зарины и в память ее добродетелей, соорудили ей гробницу, далеко превосходившую по красоте и величию все прочие. Это была трехсторонняя остроконечная пирамида высотой более чем в двадцать аршин и объемом более чем в сорок аршин. А на вершине ее поставили золотую статую покойной, облаченной в латы, с золотым копьем в руках. Щит, как полная луна, сиял у нее за плечами, пернатый шлем закрывал часть лба. Из-под шлема ниспадали волны волос, обрамляя полный очарования узкий овал лица. И воздали ей почести, несравненно большие, чем всем ее предкам, и она высоко возвышалась над всей округой, озирая оком синие горы Высокой Хары.

3

От тех дней и до этих дни утекли как песок, ночи ушли чредой безвозвратной, годы ушли и века. В этом мире с тех пор столько душ пребывало, сколько камней есть на свете, а может и больше. Были добрые люди и злые, силачи гороподобные были, мудрецы всезнающие были, мастера всеумеющие были, народы многолюдные были, давно исчезнувшие, от которых остались теперь лишь их имена... Что было вчера, того нет сегодня. В этом мире только звезды вечно правят свой путь при извечной луне, только вечное солнце вечно с востока встает, только земля черногрудая на извечном месте своем... А тем временем скалы осыпались в прах и ветры угнали ту пыль в бесследные дали. Города воздвигались, и на старые стены новые стены вставали. От тех дней и до этих слово рождало слово, мысль рождала мысль, дело рождало дело, песня сливалась с песней, быль стала древним преданием...

Так начинали свой сказ древние сказители-манасчи, повествуя о прошлом родного народа и его происхождении.

Разное говорили люди о музтерцах. Одни считали, что они местные жители и что они потомки древних ариев; другие полагали, что они произошли от саков-туров, являющихся братьями саков-ариев и саков-сарматов; еще одни доказывали, что они пришли с севера, и арабы звали их саклабами; четвертые же были уверены, что они вовсе не туры с быстрыми конями, а прибыли сюда из Енисея и являются тюркским народом; пятые утверждали совсем обратное: они

говорили, что музтерцы, состоящие в основном из саяков, еще раньше называвшихся «саками», выходцы из древней Месопотамии и название «сак» происходит от имени их праотца Исака, который был отцом Джакыпа, который, в свою очередь, был отцом красавца Джусупа и дедом славного Манаса. И вот про музтерцев говорят, что они и есть прямые потомки Манаса.

В 519 году до н. э. Дарий I напал и захватил врасплох саков, носящих высокие колпаки (**Саки-тиграхауда*). Часть из них была перебита, а часть разогнана по всем четырем сторонам света. Некоторые же ушли на восток и вместе с увлеченными с собой племенами достигли Енисея.

Гордый народ и в изгнании остается великим: они создали там могущественное государство, являвшееся для своего времени одним из четырех великих держав. И все это произойдет чуть позже, а пока чужеземцы обживали земли Сибири, Дарий пригласил к себе во дворец своих волхвов и приказал им взглянуть на звезды, чтобы рассказать о грядущих событиях. И те предсказали ему, что растет далеко на востоке мальчик по имени Манас и что скоро ему исполнится семь лет, а как он достигнет этого возраста, так и вызволит он свой народ и отомстит ему за изгнание. И велел он тогда снарядить в те края караван из двухсот верблюдов, нагруженных золотом, и под видом торговцев проникнуть туда и привести к нему Манаса. А если не удастся хитростью привести его будущего врага, то велел отобрать 100 000 богатырей, чтобы они силой привели его.

Когда после многодневного путешествия через поля и леса, через горы и пустыни караван добрался до Енисея и, когда люди Дария увидели детей, игравших в ордо (**Ордо – вид национальной игры*), один из мальчиков выстрелил из авалака (**Авалак – бита при игре в ордо*) и попал в переднего верблюда. Верблюд был поражен наповал, и тогда они сразу поняли, что перед ними сам Манас.

Девять дней и ночей оставались богатыри Дария на земле Енисея и требовали, чтоб им выдали мальчика. После долгого совещания отец Манаса и его сорок товарищей вынуждены были согласиться, ибо не могли они с такими малыми силами противостоять отборным силам персов. Но одно было условие у них: все сорок друзей поедут вместе с Манасом. На том и договорились.

По пути как раз и исполнилось семь лет мальчику, а по предсказанию, после семи лет нельзя было одолеть Манаса. Тут же воины Дария начали спорить: одни говорили, что его нельзя вести к царю, другие утверждали, что можно и нужно. Раскололись на два персы и перебили друг друга, а кто остался в живых, так их добила Манас со своими сорока воинами. И вернулись они к себе на Енисей живы-здоровы, да еще и с богатой наживой.

Но чужбина есть чужбина, на чужой земле счастливым не станешь, и гордый

юноша Манас повел оставшуюся после воинственного и голодного лихолетья часть своего народа на родину, где раньше она жила и откуда была изгнана хитроумными врагами.

А там, на древней родине Манаса, жили его двоюродные братья, сыновья оставшихся в плену у персов братьев его отца. Испугались они, что в погоне за Манасом придут воины Дария и перебьют их всех, и решили выдать его врагам. Тогда понял Манас, что пока не одолеет он главного своего противника, не успокоятся его родственники и нигде ему не будет житья. И помчался Манас далеко на запад в страну персов и мидян.

Когда прибыл он в столицу, где восседал Дарий, тот послал ему навстречу сначала диких вепрей, потом полосатых тигров, а затем огромного дракона. Но все они испугались одного вида богатыря и прижали хвосты. Пришлось впустить его во дворец. И когда Манас пожал руку Дарию, захрустели кости и пошла кровь. Взвыл от боли царь, попросил пощады. И еще он обещал, что ежели Манас одолеет его брата Медного Кулака, то уступит ему половину царства своего.

Вышел богатырь в поле и пошел к Медному Кулаку. Тот выскочил из-за гор на коне и с пикой в руке, но Манас одним ударом повалил его на землю. Хотел он вонзить пику в грудь грозного противника, но царь Дарий сам стал умолять пощадить брата его и обещал теперь уже не половину, а большую часть своего царства. Так и стал править Манас огромным царством, простиравшимся от Рипейских гор на севере до Тибета на юге, от Черного моря на западе до Тихого океана на востоке.

5

Не только о добрых и мужественных правителях хранила память людская молва, но и о бесчинствах и жестокостях кровожадных царей. Помнили музтерцы и о бесславном походе возгордившегося чрезмерно тирана, хотя был он всего лишь богра-ханом (**Богра-хан – младший хан; существовали еще средний арслан-хан и верховный кара-хан*).

Это случилось в месяц первого раби 382 года хиджры (**Первое Раби 382 года хиджры – 7 мая-5 июня 992 года*). Богра-хан, воодушевленный победой над тангутами и ябаку (**Тангуты, ябаку – тюркские племена*), направился на запад завоевывать земли саманидов (**Саманиды – персидская династия*). Правитель саманидов илек-хан (**Илек-хан – хан, имевший войско в сто тысяч человек*) Нух ибн Мансур выставил против музтерцев все свое немногочисленное войско во главе с военачальником Аячой. Богра-хану и на этот раз сопутствовала удача, и ему удалось не только разбить войско противника, но и взять в плен сына илек-хана Исмаила, находившегося тогда во главе тумена (**Тумен – войско, состоящее из десяти тысяч человек*), чтобы выучиться военному искусству и в

последующем уже командовать всей армией. Богра-хан посадил Исмаила в зиндан в Узгене, а сам двинулся дальше в Бухару. Но Исмаилу удалось бежать с помощью предателя, выпустившего его из заточения. После этого они оба прятались сначала в Бухаре, в доме одной старушки, а затем добрались до Хорезма, где собрали остатки своих войск и, назначив во главе их Арслана-балу, снова двинулись на свою бывшую столицу, в котором уже хозяйничали музтерцы. В жестокой схватке Арслан-балу разбил захватчиков, а их военачальников взял в плен. И разбитое войско музтерцев беспорядочно бежало на восток, чтобы, пройдя через пустыню, добраться домой.

Одно необыкновенное свойство есть у пустыни: здесь и только здесь можно собственными глазами наблюдать за быстротечным движением времени; здесь и только здесь можно лицезреть изменчивость как постоянство. Только что слой за слоем стелились барханы, и вдруг при малейшем дуновении ветерка их не стало – и тогда человек невольно начинает сравнивать свою жизнь с пустыней: прошелся ветер жизни, и ты, как гора, высишься над миром, прошелся еще раз, а тебя уж и нет. И растения в этих краях сподобились этой изменчивости: у них нет даже корней – они всегда готовы сняться с места и помчаться по воле ветра. Сколько народов пытались пустить здесь корни, осесть, чтобы увековечить себя, но ураганы событий снова и снова гнали их по пустыне жизни. Народы приходили, и народы уходили...

Еще вчера музтерцы чувствовали себя победителями, еще вчера они грабили местных жителей, возомнивши себя хозяевами жизни, еще вчера они мчались по цветущим оазисам, превращая их за собой в пустыни, а уже сегодня им приходится возвращаться по тем же самым местам. И если бы они помнили, что дороги ведут не только вперед, но по ним нужно еще и возвращаться, разве не устлали бы они свой путь коврами? Разве не превратили бы они пустыню в цветник, а врагов своих обратили бы в друзей, у которых завтра им придется просить напиток? Но память человека слишком коротка: сегодня он не видит дальше своего носа, а завтра плачет по далеким извилинам собственного пути, где ему приходилось спотыкаться. Так и воины Музтера долго плутали по раскаленным пескам, ища обратную дорогу домой, блуждали по безлюдной пустыне, которую они сами оставили после себя. Они долго бродили по знойным барханам, гонимые ветром все дальше и дальше в глубь огромного бесконечного пространства, без воды, без надежды и без твердой уверенности, что смогут добраться домой.

Вот уже много дней они брели по пустыне, мучимые жаждой, брели, боясь заблудиться в этом сложном, бесконечном лабиринте, а впереди ничего не было видно, кроме палящего над головой бледного солнца. Их еще пугало то напряжение, которое сопутствует людям, долгое время находящимся вместе,

когда каждый смотрит на другого волком. Но более всего их пугали миражи, время от времени появлявшиеся на горизонте в образе их родного Музтера.

Это началось на третьей сутки, когда один из воинов вдруг ясно увидел впереди город. Он долго стоял молча, словно ошарашенный неожиданным видением, стоял, не веря собственным глазам, и, наконец, кажется, придя в себя, огласил раскаленный воздух радостным воплем:

– Город! Я вижу город!..

Напуганные криком воины остановились и, подняв головы, уставились на край пустыни, но ничего не увидели впереди. А воин продолжал кричать, все время указывая вперед, где, как ему привиделось, стоял город. Наконец, он побежал по барханам, то проваливаясь в песок, то снова поднимаясь на ноги, и все время крича радостно, звал своих товарищей за собой. Вскоре он совсем исчез из виду, а ошеломленные воины продолжали стоять, не понимая, что случилось.

Через день еще один воин помчался за горизонт, обманутый призрачным видением, но на этот раз товарищи догнали и с трудом удержали его, ибо они поняли, что скоро умопомрачающий обман может увлечь каждого из них, и тогда уже никто не сможет им помочь. Еще на третьей сутки они вдруг все разом увидели город, и теперь их уже никто не удерживал, и они все вместе побежали вперед, навстречу родному городу. Но каково же было их отчаяние, когда они увидели что с каждым разом, как они устремлялись в сторону горизонта, город не приближался, а наоборот, все более отдалялся от них. Наконец, они устали гоняться за миражом, и тогда они проклинали себя, проклинали за то, что пришли в эти края, за то, что посмели завладеть чужой землей, за то, что заблудились в этой опаленной солнцем пустыне.

На седьмые сутки из всего отряда осталась только небольшая горсточка обессиленных людей, из которой теперь каждый человек самостоятельно пытался пробраться к желанной цели. Воины еле волочили ноги, каждый раз с трудом вырывая их из песка и опираясь на мечи, превращенные из орудия смерти в посох странника.

И однажды у них не осталось ни сил, ни желания жить, ибо страдания, которые им пришлось пережить в пути, превосходили их стремление к жизни. Так человек не может перенести всех унижений и обид, один раз разочаровавшись на своем жизненном пути, и уже никакие силы не способны вывести его из того животного состояния, в которое он уже загнан. Да и не желает он возвращаться обратно к своему первоначальному облику, дабы не подвергаться новым унижениям и обидам, от которых он только что освободился.

Но самое страшное ожидало их впереди: когда они вновь все разом увидели город, настоящий, не мираж, они, как и следовало ожидать, не поверили своим глазам и, отчаявшись, обессиленные, с тяжелым вздохом, попадали на землю,

полагая, что это им опять привиделось. Они лежали в двух шагах от родного им Музтера, видели рядом стены города, минареты, высившиеся за ними, видели сторожевую башню, но не верили своим глазам, а некоторые из них, потеряв всякую надежду, тут же, прямо у ворот, испустили дух. Остальные же от отчаяния схватились за головы и долго сидели на земле, пока один из воинов не подошел и не потрогал камни руками. Руки его скользнули по зернистой поверхности, и тогда он издал радостный вопль, перемешанный с отчаянием:

– Город! Это настоящий город!..

Услышав его радостный возглас, остальные тотчас вскочили на ноги и устремились к воротам. Они били кулаками о железную дверь и просили впустить их в город, но никто не отзывался на их мольбу. Бедные воины звали своих жен и детей, своих братьев и сестер, но ворота все равно оставались наглухо запертыми. И тогда несчастные люди, перенесшие столько мучений и страданий, зарыдали в один голос: нет ничего хуже, чем находиться у порога собственного дома и не суметь обнять родных тебе людей.

И вот, наконец, на сторожевой вышке появился привратник.

– О, мил человек, открой нам ворота! – взмолились все, воздев руки в небо, будто молились богу. – Дай нам обнять скорее своих детей и жен...

Но привратник сурово оглядел всех стоявших внизу и затем молча скрылся из виду. Ошалелые воины, не понимая, что произошло, встали в оцепенении.

– Эй, привратник! Открой ворота,пусти нас в город! – заголосили они, когда снова пришли в себя. – Мы же свои, ты что, не узнал что ли?..

Тогда привратник снова появился на башне и, брезгливо осмотрев их всех, ответил:

– Уйдите, воины! Уйдите прочь отсюда, если не хотите навлечь на своих родственников беду. Вы теперь для нас чужие, а мы уже подданные саманидов. Уходите... Уходите отсюда, изменники собственного народа...

С этими словами исчез привратник с вышки, а оскорбленные воины с новой силой стали колотить по воротам.

– Эй, вы, там, открывайте скорее ворота, иначе мы взломаем ее. И тогда не сдобровать вам всем! – орали они. – Откройте, собаки, а то мы перебьем вас всех!..

О кровавый, жестокий век! Три дня и три ночи осаждали воины свой родной город, три дня и три ночи женщины и дети защищали его от собственных мужей и отцов: сын мечом сбивал родного отца с крепостной стены, отец, прицелившись, пронзал грудь собственного сына. Город пылал, и по улицам его беспорядочно бегали расвирепевшие тени. Наконец, воины, пробравшись к себе в дома, рубили мечами своих же родных, и обагрились каменные мостовые кровью виновных и невинных, и всю ночь слышались стоны и крики...

На другой же день позорная весть о городе Музтер разнеслась по всему миру, будоража и заставляя содрогнуться людей всех четырех сторон света.

6

Орозкул не знал, почему именно эти события из истории города приходили ему сейчас на ум. Он всегда старался не вспоминать о них, да и некогда ему было предаваться воспоминаниям: в молодости он больше думал о работе, а в пожилом возрасте его более заботила собственная болезнь, от которой он все-таки надеялся когда-нибудь излечиться. Почему же сейчас ему один за другим напоминают о себе всякие небьлицы? Может, из-за пустыни, которая ему теперь снится чуть ли не каждую ночь? Странно, ее у нас уже давно нет, но она все время видится мне во сне. Я же всю жизнь посвятил тому, чтобы превратить эту пустыню в цветущий оазис, люди меня же и попрекают за то, будто я создал ее. А может, пытаюсь заставить людей сажать сады, строить город, я посеял в их сердцах пустыню? Но ведь помыслы-то мои были благородными...

Тут ему вспомнилась еще одна история, связанная с пустыней, и она была не менее трагической, чем предыдущая.

С тех пор, как печальная весть о братоубийственном погроме разнеслась по свету, многие народы пытались завоевать город; самые грозные полководцы направляли свой взор на Музтер, силясь завладеть им, самые великие правители мечтали присоединить эту некогда благословенную землю к своим и без того обширным владениям. Но кто бы ни приходил сюда, будь то известный своей жестокостью Кир или славившийся своим коварством Дарий, будь то знаменитый своей ненасытностью Искендер или слывший среди прочих народов кровожадным Мунтасир – все они лишь видели стены этого славного города. А первыми завоевателями, бравшими дань от него, стали монголы, эти кочевники, которые рождались в седле, которые и по горам пускали коней вскачь, как по степи, и которые жили раздельно, по племенам. Но если им удавалось объединиться, то они причиняли столько вреда соседним и далеким государствам, совершая набеги на их города и села, что оседлые народы ожидали их как стихийное бедствие, как смерч или наводнение.

Эти кочевые племена, объединившиеся далеко на востоке и окрепшие в многочисленных войнах, все более разрастались, подминая под себя завоеванные народы. Они словно могучая лавина сметали со своего пути целые государства, а то и империи, и, наконец, когда подошли к Музтеру, то он им показался настолько крохотным, что даже не стоило тратить на него сил. Тогда монголы решили взять город хитростью, чтобы не терять зря людей, которые могли понадобиться для более кровопролитных боев. А для этого здесь имелась прекрасная возможность. Город с давних времен окружали такие же кочевники,

которые ради сохранения своего племени и просто ради отмщения за неповиновение готовы были предать своих соседей, чтобы самим насладиться долгожданным сражением, а более могучим противникам отдать на растерзание этих негодных крестьян, ремесленников и торгашей.

Они-то и подкупили одного из известнейших беков (**Бек – феодальный властитель*) Музтера Махмуда и фискала (**Фискал – советник царя*) хана Билгеч-бия (**Бий – дворянский титул*), которые ночью открыли кочевникам ворота. И ринулись завоеватели в город, и стали грабить и убивать горожан, не успевших даже опомниться, и до утра горели дома, минареты и дворцы, и бесконечно слышался стон...

И пока совершалось это злодеяние, один из беков Сафар вычислил предателей и пробрался тайком к дому Махмуда, чтобы отомстить ему за кровь женщин, которым кочевники вспарывали животы, за кровь детей, которых те поднимали на острие копья, за сожженные дома и разграбленные дворцы.

Под утро, когда вдалеке забрезжил рассвет, когда стоны поулеглись, а кровь на мостовых начала остывать, к дому подъехал всадник. Он быстро соскочил с лошади и украдкой направился к воротам. И тут из-за дерева выскочил Сафар, держа наготове свой меч.

– Махмуд! Предатель! – вскричал он и занес меч над головой опешившего Махмуда. – Ты насытился кровью своих родных, злодей? Ты нажрался земли, сатана?

– Ты кто? Чего тебе нужно? – испугался не ожидавший засады Махмуд, с ужасом тараща глаза на мстителя.

– Это я, Сафар... Я пришел отомстить тебе за предательство! – был ответ. – Я уже раньше догадывался, что ты жаждешь крови, но тогда мне никто не поверил. И теперь я отомщу тебе...

Но не успел Сафар опустить меч возмездия на голову предателю — вдруг схватили его за запястье двое подоспевших кочевников и скрутили ему руки.

– Махмуд! Кровопийца! – возопил в отчаянии Сафар, пытаясь вырваться из рук воинов. – Ты все равно ответишь за все, сатана! Будь проклят, мерзавец! Да будет проклят весь твой род!..

На другой же день на городской площади Сафару отрубили голову, а Махмуда объявили илек-ханом...

7

Но недолго длилось правление Махмуда, таким коварным путем завладевшего тронem царя. Ровно через пять лет подросший его сын Малик по наущению того же главного фискала Билгеч-бия, собрав вокруг себя всех визирей, выступил против отца-тирана. Рассчитывавшие на молодость принца и

пытавшиеся тем самым завладеть властью придворные тоже встали на сторону Малика. А соседняя Кашгария, имевшая притязания на некоторые земли музтерцев, отправила им на помощь свое войско, чтобы тем самым ослабить это могучее некогда государство.

В назначенный день принц с двадцатью тысячами воинов отправился в пустыню Кумли, где их ждало десять тысяч кашгарцев во главе с военачальником Собуну. Собравшись вместе, они отправились в Музтер.

Первый отпор они встретили в долине Давань. Это плато в горах отличалось тем, что хотя и являлось довольно обширным, оно все-таки было тесноватым для большого скопления всадников. Вот почему и выбрали его музтерцы для своего основного удара. Они расположились по теснинам и с двух сторон посылали отравленные стрелы на конные отряды противников, зажатых в ущелье; но Билгеч-бий, не раз разрабатывавший тактику сражений для Махмуда, хорошо знал об этой хитрости своего бывшего правителя, и поэтому он развернул войско во всю ширь Даваня. Важно было заманить музтерцев на ровную местность, чтобы затем окружить их со всех сторон и добить до единого воина. Добить, чтобы не осталось в живых никого, кто бы мог потом свидетельствовать перед всем миром о необычайной жестокости, с какой они прикончили бы всех, кто не захотел к ним присоединиться. Но музтерцы, по-видимому, догадавшись об этом коварном шаге противника, долго не раскрывали своих позиций, и тогда Малик, отбросив в сторону всякий ложный стыд, свойственный людям аристократического происхождения, переобулся в чокой (*Чокой – калиги, род обуви) из сыромятной кожи, чтобы обойти своих собратьев с тылу с небольшой горсточкой отборного отряда; он когда-то в детстве вместе с братом Юсуфом не раз ходил на охоту по этим непроходимым тропам на архаров и поэтому хорошо знал здесь каждый куст, каждый камень.

Они долго пробирались по узким расщелинам, по которым ходили только горные козлы; карабкались по отвесным скалам, где потеряли нескольких воинов; поддерживая друг друга, спускались по крутому склону и снова взбирались на горные вершины, чтобы осмотреться вокруг себя.

Лишь к вечеру они добрались до Итагара, где находились лишь четыре воина-музтерца, охранявших узкий проход от внезапного нападения с тыла, двое с правой и двое с левой стороны дороги, чтобы успеть зажечь костер на вершине гор и подать сигнал основным силам. Но не заметили вовремя они пробравшихся через густые заросли можжевельника противников, за что и поплатились жизнью. Пали они, сраженные отравленными стрелами метких лучников, прицелившихся издалека, из-за деревьев, которые огромными своими кронами и серыми паутинами, образуящимися от сырости, создают надежное обволакивающее укрытие, прикрывая любого человека от чужих глаз. И ворвался небольшой отряд

во главе с отважным Маликом в узкое ущелье, вклинившись в основное войско Махмуда и внезапным нападением посеяв страх среди людей правителя Музтера. И заставили заговорщики рассеяться главным силам, и в беспорядке бежали люди в открытое плато Давань, где и были разбиты насмерть многотысячным войском Билгеч-бия и Собуну. И лилась кровь, как по долине Давань, так и по ущельям Итагара, и много тысяч людей погибло там, несмотря на мольбы о пощаде, ибо был дан приказ никого не жалеть и в плен не брать.

А сам правитель Махмуд находился в это время в городе и, узнав о поражении, ждал близкой своей смерти. Но пощадил Малик своего родного отца, лишь прогнав его из дворца в пустыню Кумли, где и провел тот остаток своей жизни, горько раскаиваясь в своей измене, за которую и получил взамен такую жестокую расплату.

8

Малик же правил государством два года, и придворные терпели его ровно столько, сколько он не мешал им в разграблении собственного народа. Рыдали и стонали жители Музтера от невероятных сборов налога, от многочисленных податей, собираемых с помощью жандармов, плети которых шумным свистом прошили по спинам всех тружеников, включая и стариков и детей. Слезы матерей не успевали высохнуть от многочисленных проводов сыновей в армию, которая непомерно разрослась после даваньского сражения; часть земли музтерцев отошла к кашгарцам в знак признательности за помощь во время свержения Махмуда. Люди страдали, но боялись жаловаться на судьбу, люди горевали, но боялись показывать свои слезы. И только придворные царя радовались и воздавали хвалу юному принцу Малику, который наивно полагал, что народ не идет к нему жаловаться потому, что ему не на что жаловаться, и продолжал наслаждаться жизнью во дворце.

Когда же юный правитель выезжал осмотреть свои владения, придворные нанимали людей, заранее объезжавших пути следования царя и собиравших толпы нищих, которые за гроши были согласны изображать счастливых подданных, шумно веселясь у дороги и целуя руку принцу в знак благодарности за мудрое его правление. Но через некоторое время Малик все же стал замечать что-то неладное в жизни своего народа. Чем больше строилось дворцов в арке и шахристане (**Арк и шахристан – цитадель и центр города*), тем ниже вращались в землю хижини рабата (**Рабат – пригород, предместье*). И тогда правитель впервые засомневался в искренности восхищения его правлением своих подданных, встречавшихся ему на улице, на базарах и в деревнях, по которым он проезжал со своей свитой. И высказал он свое сомнение фискалу. Но Билгеч-бий успокоил его, сказав, что состояние хижин зависит не от плохого его правления, а

от неуправляемого роста населения и лени обитателей лачуг.

Принц тем и успокоился, но однажды ночью к нему тайно пробрался человек, который поведал о многочисленных страданиях простого люда, о жестоких поборах, учиняемых приближенными правителя и о готовящемся бунте народа, более не желающем терпеть унижения и лишения. Он также рассказал о том, как придворные обманывают его, подкупая нищих и стариков, чтобы те изображали счастливую жизнь, радостными восклицаниями благодаря его при его появлении на людях. Принц внимательно выслушал незнакомца, тщательно укрывавшего свое лицо черной чадрой, какой укрываются лишь женщины, когда они выходят на улицу. Его глаза все более расширялись от удивления услышанным, а лицо становилось все мрачнее и мрачнее, и, наконец, он быстро встал с места и, омраченный тяжелыми мыслями, удалился в свои покои. А таинственный незнакомец исчез так же быстро, как и появился здесь, во дворце, так что никто и не успел узнать о ночной беседе правителя с простолюдином. Лишь придворные, зашедшие утром расспросить принца, как ему спалось, заметили, что у того под глазами появились мешки от ночного бдения да лицо осунулось и обрело желтоватый оттенок – явный признак того, что правитель ночью плохо спал. Но Малик, пытаясь не выдать своих мыслей, успокоил их, сказав им, что это пустяки. Он сказал им, что всю ночь ему не давали спать заботы о будущем своих приближенных, которых он очень любит и обожает. Он убеждал их, что он все это время раздумывал над тем, как бы сделать их жизнь еще лучше и счастливее, на что те очень растрогались и пожелали ему многих лет здравия.

В следующую же ночь Малик оделся в лохмотья нищего и тайно вышел из дворца, чтобы своими глазами увидеть, что происходит в его стране, и чтобы своими ушами услышать, что говорят о нем и его правлении простые люди из рабата. В ту же ночь он узнал всю правду о себе: в первом же кабаке, куда он зашел под видом пьяницы, зашедшего опохмелиться после вечерней попойки, принц услышал слова проклятия в свой адрес. Один из завсегдатаев, провозгласив тост за здравие присутствующих, закончил свою речь словами:

– Да не будет литься вино из их бокалов, да не попадет капля в их уста!

Когда же он, выйдя из питейной, брел по улице, кто-то пробежал мимо него, и сразу вслед ему из одной лачуги послышались отчаянные женские крики:

– Стой, несчастный! Не ходи, говорю, по ночам, а то и ты исчезнешь, как твой брат... О, Господи! Неужели и этого моего сына заберут в армию? Тогда кто же будет кормить нашу семью? О горе мне!..

Принц, удивленный, остановился. С каких это пор стали забирать в армию тех, кто просто вышел прогуляться? Он решил зайти в дом старухи, чтобы подробнее узнать о жизни бедняков, порасспросить ее о том, что думают люди о

его правлении. Он тихо постучал в дверь, но ему долго не открывали, хотя внутри и слышались шорох одежды, шепот людей и звон посуды. Тогда принц постучал погромче и, когда дверь наконец-то чуть приоткрылась, вошел в дом с низким потолком, земляным полом, от которого отдавало сыростью, и маленьким очагом, где чуть тлел огонь. Хозяева, кажется, только что поужинали, что было видно по войлоку, от которого до сих пор отдавало теплом стоявшей до этого на нем посуды. Видать, обитатели этого дома не очень-то гостеприимны, раз ужинают при закрытых дверях. И принц тут же вспомнил рассказ своего ночного гостя, который предупреждал его о бескрайней нищете народа, о бесконечных поборках в виде налогов со всех имущих и неимущих, которые истощили народ, о неизмеримо возросшей армии, забота о коем тяжким бременем ложилась опять-таки на плечи простого люда.

Старик, сидевший рядом с очагом, угрюмо посмотрел на нищего, вошедшего в дом и вставшего у порога, и пригласил его садиться. Принц в лохмотьях сразу прошел на почетное место и сел, удобно расположившись возле сундука со сложенным на нем довольно скромным скарбом. Хозяин дома испытующе оглядел гостя, так проворно занявшего самое удобное место в его комнате. И затем он тихим, но внятным голосом стал расспрашивать его о житье-бытье, о новостях в городе и за его пределами, на что нищий не только не смог ответить более или менее внятно, а наоборот, сам начал задавать многочисленные вопросы. И тут случилось совсем неожиданное: старик, до этого лишь вежливо любопытствовавший о городской жизни, вдруг стал спрашивать гостя о положении дел во дворце правителя, о политике государя и придворных, о будущем государства, и у него из уст несколько раз вырвалось обращение: «Ваше Величество». Тогда принц Малик понял, что его узнали, и поднялся с места, чтобы перейти на откровенный, честный разговор.

– Да, я ваш правитель! – провозгласил он, приподняв свою конусообразную шапку, надвинутую до этого на лоб, чтобы доказать хозяину дома свою искренность и ожидая взамен такую же откровенность. – Я пришел в ваш дом, чтобы своими глазами увидеть то, о чем уже не раз слышал. Я хочу знать всю правду о своем народе, о его жизни. Также я хочу услышать всю правду о жизни моих подданных, о моем правлении, о моих придворных и об устройстве нашего государства. Но... прежде мне хотелось бы узнать о том, каким образом вы догадались, что я ваш правитель?

– О, это очень просто, Ваше Величество! – отвечал старик. – Это было видно сразу. Во-первых, вы долго и настойчиво стучались в дверь, чего обычно не делают нищие, которые хорошо знают о том, что в последнее время все жители города обнищали до того, что им самим не хватает хлеба, и поэтому они крайне редко подают милостыню. Потом... вы, войдя в дом, молча встали у порога, даже

не поздоровавшись с нами и ожидая, что мы, ваши подданные, первыми приветствуем вас. Затем вы сразу же прошли на почетное место и почти разлеглись, выдавая свое аристократическое происхождение, а нищий бы лишь подсел на край тюфяка, ожидая, что ему подадут кое-что из съестного. И, наконец, вместо того, чтобы отвечать на вопросы, вы начали сами расспрашивать меня, показывая тем самым, что вы человек, привыкший больше повелевать, чем подчиняться.

Принц удивился уму и прозорливости бедняка и дальше стал расспрашивать обо всем, что его интересовало.

– А почему ваша почтеннейшая жена кричала вслед сыну, который только что вышел из дому, что его тоже заберут в армию?

– Да потому, что совсем недавно уже забрали одного нашего сына, – смело отвечал хозяин дома. – Он вышел из дому погулять и пропал. А через неделю мы узнали, что он теперь находится в царской армии и будет служить двадцать лет. Мы, конечно, обрадовались тому, что он жив, но в то же время огорчились, что лишились кормильца на старости лет. И если теперь заберут нашего младшего сына, то нам суждено будет умереть от голода...

Старик тяжело вздохнул. Принц же, терпеливо выслушав все его рассказы о страданиях простого народа, мрачный и угрюмый, лишь под утро вернулся во дворец, так что явившиеся пораньше выразить свое почтение придворные второй раз увидели своего правителя не выспавшимся и удрученным какими-то мыслями. И они выразили свое беспокойство по поводу здоровья принца главному фискалу Билгеч-бию, на что тот сильно встревожился и приказал следить за покоями правителя.

На третьи сутки, когда Малик в лохмотьях украдкой вновь вышел из спальни, он был схвачен вооруженными людьми, обступившими его со всех сторон. И тогда принцу пришлось открыто заявить придворным о том, что до этого было его собственной тайной.

– Разве для того вы свергли прежнего правителя, чтобы теперь самим измываться над собственным народом? – вопрошал он. – Разве для того наш народ проливал кровь на Давани, чтобы затем самим же стать жертвой вашего насилия? И разве для того я прогнал своего отца-тирана в пустыню, чтобы самому здесь, во дворце, превратиться в жестокого деспота?

Придворные все молчали, а правитель сотрясал воздух все новыми вопросами:

– Почему вазират (**Вазират – собрание министров, правительство*) увеличил налоги с населения, доведя народ до такой нищеты? Зачем нам такая огромная армия, которую не может прокормить вся страна? Почему вы до сих пор лгали мне, показывая разукрашенные кишлаки и базары?..

И тогда приближенные правителя поняли, что он знает все, несмотря на то, что они так тщательно скрывали от него истину, и не посмели они поднять головы.

Правитель же, задыхаясь от возмущения и негодования, махнул рукой и вернулся в отчаянии в свои покои.

С этой ночи приближенные царя поняли, что для них закончились беззаботные дни, и сгустились сумерки над их головами. Но народ, узнавший на следующий день о случившемся во дворце и о речи правителя, ликовал от счастья, надеясь на то, что наконец-то и для него наступят лучшие дни. Люди, приободренные поддержкой правителя, толпами хлынули на дворцовую площадь и огласили воздух радостными криками. Они звали принца, чтобы выразить ему свое восхищение, а когда тот вышел к ним, они шумно рукоплескали ему и кричали:

– Да здравствует правитель, самый справедливый из всех правителей!

На следующий же день многие молодые люди, ранее служившие в армии, вернулись домой. Дехкане (**Дехканин — крестьянин*) были освобождены от многих налогов, которые раньше тяжким бременем ложились на их плечи. Торговцы, до этого обираемые таможенниками, наконец-то смогли свободно, без каких-либо препятствий торговать со всеми соседними государствами. Ремесленники, все это время страдавшие от нехватки сырья, стали создавать свои прекрасные изделия. И народ почувствовал себя свободным, сытым и счастливым. Со временем дома в рабате приосанились, обрели добротный вид, окрасились в более веселые тона; базар стал более шумным, пестрым, а из дуканов (**Дукан – магазин, продуктовая лавка*) запахло душистым хлебом и мясом.

Возобновились веселые празднества на городской площади, куда стекались люди со всех окраин государства: народ после тяжелого, но необходимого ему труда веселился, пел и плясал, воздавая хвалу создателю, давшему людям столь доброго и справедливого царя. Только приближенные правителя, недовольные, стояли в стороне от праздничной сутолоки и злорадно посмеивались над каждой неудачей артистов или драками, неожиданно вспыхивавшими то там, то здесь.

Сам же царь всегда выходил к людям, чтобы поздравить их с праздником и присоединиться к их веселью. В центре площади маскарарозы (**Маскарароз – артист бродячего цирка*) устанавливали разноцветные шатры, высоко протягивали канаты, по которым с необыкновенной ловкостью бегали канатоходцы-дарчи, удивляя и пугая людей головокружительными прыжками. Клоуны-кызыкчи, разодетые пестро и разукрашенные в разные нелепые цвета, смешили людей. Острословы-аскияпозы поражали собравшихся своей

необыкновенной памятью и умением найти меткие фразы в самый последний момент, когда, казалось бы, уже нечего ответить своему сопернику. Фокусники-найранпозы к всеобщему удивлению изрыгали изо рта пламя огня и выпускали голубей из пустого ящика. И все это время на площади громко гремели карнаи, и слышался бой барабанов.

Прошло около года, и вдруг постепенно с прилавков стали исчезать сначала хлеб, рис, а потом и другие необходимые для каждого человека продукты. Люди не понимали, куда девается зерно, выращиваемое каждый год дехканами; где исчезают овощи и фрукты, крупными партиями завозимые торговцами; и каким образом не попадает на прилавки мясо, хотя этим летом и не было джута (**Джут – засушливый год*). Сперва они и не задумывались над этим, считая исчезновение с прилавков некоторых продуктов чистой случайностью, связанной с плохим снабжением. Затем стали обвинять торговцев в плохой работе. И когда уже начали выяснять, в чем дело, то оказалось, что и хлеба выращивается в достаточном количестве, и торговцы привозят продуктов, сколько нужно, но только вот закончились еженедельные припасы, а там и запасы, спрятанные ими на черный день, все это довольно странным образом не доходит до жителей Музтера. Скоро закончились еженедельные припасы, а там и запасы, спрятанные ими на черный день, но прилавки оставались пустовать, и тогда народ весь хлынул на городскую площадь, готовый растерзать виновников разразившегося голода. Толпы людей осадили дворец правителя, полагая, что во всем виноват он. Каждый человек был вооружен палкой, вилами или топором, готовый при случае защищаться от стражи, если она помешает ему расправиться с царем и придворными. Но до крови, к счастью, дело не дошло, потому что приближенные правителя сами вывели уже связанного принца и стали убеждать людей, что во всем виноват был он. Они заверили людей, что обязательно накажут его. Также они уверяли, что очень скоро в городе будет и хлеб, и другие продукты, и призывали людей разойтись по домам. Действительно, на другой же день в городе появился сначала хлеб, затем и все остальные продукты, и народ возрадовался и благодарил придворных за то, что они вовремя разоблачили коварного царя.

Вот таким образом хитроумные придворные ловко расправились с пожелавшим облагодетельствовать свой народ принцем Маликом. Его прогнали вслед за отцом в пустыню Кумли, где, как рассказывают, он и встретил призрака своего отца.

Самум... Знойный ветер пустынь. Он налетает шквалом и вихрем уносит все, что попадает ему на пути. Он, как смерч, поднимает столбом песок. Он, как

буря вдруг заволакивает все небо матовой пеленой, и солнце меркнет, светясь красноватым диском среди бурой мглы.

Но еще хуже тишина в пустыне. Когда на много верст вокруг тебя не видно ни души: ничто не шелохнется, ничто не издаст звука, чтобы как-то сориентироваться в окружении. И ты идешь в какую-то неведомую безвестность; ничто не указывает тебе, в какую сторону ты направляешься. Где юг? Где север? Откуда ты вышел и куда идешь? Что ждет тебя впереди и ждет ли вообще что-нибудь в этом бесконечном пространстве? Кому ты нужен и нужен ли ты вообще кому-нибудь в этой безмолвной неизвестности? Идти ли вперед, возвращаться ли назад – ничто не предвещает тебе никакой надежды. Будешь ли ты рвать ногтями землю или же будешь лежать недвижно, устремив свой взор в бесконечную голубую высь – ничто не изменится в этом подлунном мире. И тогда ты познаешь вечность...

Шел Малик по пустыне и думал. Думал он много и непрерывно. Думал он о том, как все вдруг неожиданно обернулось таким образом, что он оказался в пустыне Кумли. Думал о том, как все справедливо устроено в этом мире: вчера он прогнал своего родного отца в этот знойный ад, сегодня сам оказался посреди переливающихся холодных барханов. Не в этом ли справедливость Всевышнего: что отдашь, то и получишь обратно, что сотворишь, тем и наешься досыта, что даруешь, тем и отблагодарят тебя люди непременно. Мы лишь творения собственных деяний: совершаем добро, получаем благодеяние, совершаем зло, оно же рикошетом достигнет нас самих без промаха. Сколько дал, столько и взял; сколько сотворил, столько и пожинаешь.

Каждый шаг твой отмерен, каждая пища твоя уже в котле: ничего не убудет, но и больше уже не возьмешь. Ты вправе все свое съесть разом, но и вправе продлить себе удовольствие. Ты вправе скакуном промчатся по этой жизни, оставляя за собой сверкающий след, но и вправе плестись, как черепаха, продлевая тем самым дни свои. Ты вправе взлететь ввысь, освещая своим светом все, что находится внизу, на земле, но и вправе подрезать себе крылья, чтобы медленно тлеть, догорая тусклым огнем. Ты вправе громко, во всеулышание спеть свою лебединую песнь, но и вправе прохрипеть последние проклятия человечеству о неудовлетворенности своей жизнью. Мы весим ровно столько, сколько мы отдаем, мы творцы своего бессмертия и собственного тлена...

Так думал Малик, уставясь в отчаянии и печали в бесконечную, безграничную даль. Все в этом мире справедливо. И ночь наступает вовремя, и утро приходит без опоздания. И солнце светит знойным летом, и стужа навевает в морозную зиму. И песни, что сочинили, поются, и плачи при горе причитаются. И тайные вздохи колыхают грудь, и хриплые стенания слышатся посередине ночи. И голуби воркуют на крыше высокого дома, и змея неслышно пробирается по

балкам к их птенцам. И часы бьют, торопя людей спешить на работу, и куранты отбивают ночное время бденья и утреннее пробуждение ото сна. И звонкий голос азанчи (*Азанчи – муэдзин) слышится, зазывая праздный люд на вечернюю молитву, и струны напевают свои заунывные песни. И над всем этим царит мир и тишина, в нужный час содрогаясь от грохота молний и гроз.

Такие вот мысли приходят не каждый день, и не каждый день люди сгоняются в пустыни, чтобы здесь, в крошечном безмолвии, неспешно, в полном молчании вспомнить свою жизнь и поразмыслить, как ты жил: правильно ли ты поступал, справедливо ли судил; кто был тебе друг, а кто был тебе враг; кого ты любил, и был ли ты любим; кто ненавидел тебя, и прощал ли ты врагов своих; чтил ли ты умерших, и помнил ли ты о смерти; воспитал ли ты детей своих в почитании старших, и ценили ли тебя седобородые старцы за твои благодеяния; изменял ли ты кому-нибудь, и предавали ли тебя друзья и родственники, чтобы ты потом мог их простить; пел ли ты сыну своему колыбельную песню, и оплакивали ли тебя родные, когда ты уходил на битву; грустил ли ты об увядающей своей молодости, и радовался ли ты благоухающей свежести утра; работал ли ты в поте лица, склонившись над вздымленной землей, и ел ли свой хлеб, наслаждаясь плодами, добытыми мозолистой рукой; защищал ли ты свою родину, вздыбивая грудью вспенившегося коня, и мчался ли ты с радостной вестью о победе к сородичам своим.

Солнце закатывалось за горизонт. Малик сегодня первый раз встречал закат в пустыне. Стало холодать, а у него даже не было дров, чтобы разжечь костер. Это еще одно свойство пустыни: днем здесь стоит нестерпимая жара, ночью же страшный холод пронизывает до костей.

Сидел Малик у кромки. Вдали выли шакалы, но не от их воя было страшно ему, а от того, что самому хотелось выть. Ветер навевал стужу, но не от нее было холодно ему, а в душе было холодно от одиночества. Вокруг стояла ужасная темень, но не от темноты он был слеп, а от осознания собственного безумия. Ведь можно слышать и не услышать, ведь можно видеть и не увидеть, ведь можно узреть и не понять. А слепота наша не в том, что мы хотели бы увидеть, а в том, что не узрели. А глухота наша не в том, что мы хотели бы услышать, а в том, что не поняли. А немота наша не в том, что мы хотели бы сказать, а в том, как услышаны. И слабость наша не в том, что мы хотели бы сделать, а в том, что совершено. И тысячу раз мы будем просить прощения, чтобы нас простили, но то, что сделано, уже сделано, и то, что сотворено, не может быть забыто.

Так сидел Малик и предавался горьким раздумьям, и никто не мог помочь ему в этом мире, где каждый совершает ошибки, зная, что его простят, где каждый готов быть обманутым, ибо сам готов обмануть, где каждый совершает грехи, зная, что он все равно будет грешен. И достигнув самой вершины величия,

ты будешь низвергнут, и добившись всего богатства этого мира, ты будешь нищим, ибо нет никого страшнее нищего духом...

Так под вой шакалов и завывание ветра думал Малик, ложась на холодный зыбкий песок, но не пытаясь уснуть. Не сна он жаждал, а раздумий, и если бы он это делал раньше во дворце, может быть, не пришлось бы ему сегодня раздумывать в пустыне.

Прошла ночь, наступил еще один день горестных мыслей. Малик продолжал сидеть молча и разглядывать дальние такыры (**Такыр – голая местность*), где багряным цветом рассыпались невыгоревшие эфемеры, а ферула и мак цвели во всю мощь своего благоухания. В ложбинах изредка виднелись маки. Яркими пятнами зеленела ковыль, а рыжие фаланги сходили с ума от неистощимой жары, не зная, куда девать избыток своих сил.

Сидел Малик, увлеченный своими горестными раздумьями, и не заметил, как с ближайшего бархана легкий ветер погнал песок. Маленькой струйкой сбегала золотистая змейка пыли от вершины до самого основания. Пожелтевшие облака низко неслись над пустыней. Матовая пелена словно чадрой закрыла даль. День померк, солнце потускнело и вокруг потемнело. Надвигалась буря.

Только теперь почувствовал Малик холодное дуновение пронизывающей стужи и осмотрелся, ища взглядом, где бы спрятаться. Но нигде ничего не было видно, кроме кружащейся воронки песка, которая стремительно неслась прямо на него. И понял он, что наступает конец, и это возмездие за его позорный поступок. И представил он, как точно так же был унесен ветром его отец Махмуд, изгнанный им самим в эту холодную и всепожирающую пустыню. И Малик даже не стал пытаться как-то спастись, а просто стоял с гордо вскинутой вверх головой, чтобы с мужеством принять смерть, уготованную ему самой судьбой. Но воронка проскочила мимо и, пройдя чуть поодаль, совсем исчезла, лишь оставив после себя черную тень, похожую на человека. Малик удивленно всматривался в него и скоро узнал в нем своего отца Махмуда.

– Отец! – вскричал он. – Это я, твой сын Малик. Я пришел к тебе...

Черная тень холодно взирала на него.

– Ты сам пришел или судьба пригнала тебя? – спросил Махмуд.

Малик не смог ответить и покорно склонил голову перед отцом.

– Отец, я здесь волею судьбы, – наконец, тихо произнес он, но голос его сквозь шумевшую бурю был услышан.

– О Господи! – взвыл отец. – Неужели все вернулось на круги своя? Неужели мы обречены кружиться по одному и тому же кругу? Неужели нам в этой жизни лишь суждено повторять ошибки своих отцов? Значит, мы никуда не движемся, если вся прожитая нами жизнь, лишь как тень следует за тревогами и заботами наших предшественников. И неужели никогда не кончится все это

пустопорожнее вращение, где в каждом витке встречаются отцы и дети, где люди уже тысячи лет живут лишь единственной заботой о хлебе насущном, где одно убийство лишь сменяет другое, предыдущее, точь-в-точь повторяя беспрерывный ряд злодеяний. И неужели вся наша история – это лишь нескончаемая цепь преступлений, и мы не в силах хоть когда-нибудь разорвать ее, а способны лишь возвращаться в прежнее животное состояние?

– Отец, не говорите так, – закричал Малик. – Мир движется вперед, человек все дальше уходит от своей животной сущности, а новое поколение уже не думает так, как думали его предки.

– И потому ты здесь? – скорбно съязвил Махмуд. – Да, новое поколение думает по-новому, но поступает так же, как его древние предки. Так же, как дикари в пещере, они борются за кусок хлеба, не смея думать больше ни о чем, что бы улучшило природу человека. Так же, как сыновья первочеловеков Адама и Евы, они убивают друг друга, забыв при этом, что все люди братья. Вот и ты повторил мою ошибку, и сейчас мы вместе в этой безграничной пустыне.

– Но я не повторил тебя в другом, – воскликнул Малик. – Я не угнетал своих подданных, как это делал ты. Я не потакал придворным, как это было при тебе. И, наконец, я подал людям пример того, как можно жить по-новому, свободно и вольно.

– Но память людская чересчур коротка, – грустно произнес Махмуд. – Они ведь сразу забыли про твою доброту и справедливость. Ведь так? Иначе, я думаю, ты не оказался бы здесь, рядом со мной.

– Да, это так, – опустил голову Малик и затих.

– Да, сын мой, – уже про себя повторил Махмуд, кажется, за долгие дни пребывания в одиночестве затверженные и выученные наизусть истины. – Что дашь, то и получишь; что опрокинешь, с того и свалишься; что заплатишь, тем и будешь отплачен. И нескончаема во веки веков эта череда взаимных долгов, и никто не разорвет эту цепь. Потому люди и останутся во все времена темными и невежественными, а история будет повторять саму себя. Каждое новое поколение считает себя более умным, чем предыдущее, но каждый раз на одном и том же месте спотыкается. Вчера я предал своего царя, сегодня мой родной сын изгнал меня в пустыню. И вот теперь он сам стоит предо мной и тоже раскаивается...

– Отец, прости меня, – встал на колени Малик. – Прости меня и ответь на давно мучающий меня вопрос: ты почему предал своего царя и свой народ?

– Дурак был, вот и предал, – ответил Махмуд. – Пока сам был бедным и безграмотным, любил я свой народ и боялся своего царя, а когда стал грамотным и богатым, вдруг почувствовал я себя умнее других. И начал я презирать свой народ за его леность и темноту, а царя хотелось скинуть с трона и самому занять

его место. Мне тогда казалось, что я смогу осчастливить свой народ более справедливым своим управлением. С этой мечтой я и жил с тех пор, как оказался во дворце, а потом и случай подвернулся, им, конечно, я не преминул воспользоваться.

– А разве ты не знал, отец, что все, что кровью начинается, кровью и заканчивается, что предательством получается, то предательством и отнимается?

– Знать-то я знал, но кто когда-нибудь помнил о том, что ему говорилось в древних мудростях? Разве сын, не слушаясь отца, не слышит постоянно его поучения? Но он их не выполняет и в результате получает от своего сына то, что он сам вытворял когда-то. Разве мать не поучала свою дочь хранить честь, и разве та ее послушалась? В результате теперь уже дочь рыдает от побоев мужа за свои прошлые грехи. Так было во все времена у всех народов, так, наверное, и останется навсегда. Вот почему человечество обречено на дикость, невежество и нужду. Ведь люди голодают вовсе не из-за того, что им не хватает хлеба, а скорее из-за того, что одни из жадности хотят нахватать себе побольше, даже больше, чем им необходимо, а другие из лени даже не стремятся жить лучше. Всем нам в молодости кажется, что жизнь бесконечна, и мы успеем исправить свои ошибки, совершенные в юности; а на старости лет мы лишь ворчим, видя, как молодые совершают точно такие же ошибки. Нет, сын мой, человек, наверное, никогда не научится не совершать ошибки, и ему лишь суждено набираться мудрости всю жизнь. И мы приходим в этот мир не для того, чтобы исправить или улучшить его, а приходим для того, чтобы исправиться и улучшиться в соприкосновении с вечностью. В этом, наверное, и состоит мудрость жизни: не противиться миру, а шлифовать себя, не бороться с миром, а жить в гармонии с ним. Мы оба совершили одинаковые ошибки, и мы оба оказались в одной и той же пустыне. И мы оба должны уйти в вечность... Пойдем, сын мой... Я недолго дождался тебя, а ты недолго мучился в этой знойной стуже... И на том спасибо! Идем, сынок!..

Отец обнял сына, и они оба исчезли в песчаной пыли: самум поглотил их и умчал обоих в безмерную бесконечность...

13

После ойратов в этих краях не осталось городов и сел, а о государстве и говорить не приходится. Кочевники-ойраты, как и их собратья-монголы, не строили города, не сажали сады, не обрабатывали землю, якобы боясь причинить ей боль. Завоеванные же поселения они сравнивали с землей, чтобы к обратному их возвращению через много лет эти места, заросшие густой травой, образовали пастбища для тучных стад.

Но не суждено было им воспользоваться этими пастбищами: проезжали они

обратно по этим местам, промчались по горам, по долам, спасаясь бегством от более могущественных противников, повернувших их вспять. Видать, не до пастбы было им в этот раз – уж больно резво промчались они по Музтеру. На полном скаку они даже не заметили, что оставили-то они пустыню после себя, а не пастбище. И сами они оставались кучками, словно песчинки, в тех землях, по которым проходили, и люди назвали их за это калмаками (**Калмаки, т.е. калмыки, – букв. остающиеся вразброд*).

Через несколько столетий прибывшие в эти места голубоглазые, светловолосые люди вместо похожих на них самих голубоглазых и светлых людей встретили желтолицых кочевников с раскосыми глазами и вместо укрепленных крепостей и дворцов с голубыми куполами обнаружили здесь опустевшие поля и руины некогда процветавшего города-государства. О былой славе здешнего народа повествовали лишь каменные бабы и кайраки (**Кайраки – каменные бруски с древними надписями*), в которых было выгравировано: «Кровь твоя текла, как вода, а кости громоздились, словно горы. Твои гордые воины стали рабами, и твои красавицы-девушки наложницами».

Когда чужеземцы спрашивали: «Что за город стоял здесь раньше?» – местное население не знало, что ответить, ибо оно не знало ничего о прежних хозяевах этой земли, а читать надписи на камнях еще не умело. Это были потомки тех славных саков, усуней и тюрков, перемешанные с китайцами, монголами и калмыками и обретшие новые черты внешности. Да и язык их намного изменился: они уже говорили в основном на тюркском наречии, хотя изредка проявлялись и отдаленные маздаяснийские и авестийские говоры (**Маздаяснийские и авестийские говоры – говоры, основанные на древнейших верованиях ариев и саков*).

Удивленные разведчики продолжали свой путь дальше, чтобы поскорее добраться до поместья местного манапа, который и вызвал экспедицию для поддержки и защиты своего рода от притеснений соседей. Это были первые русские солдаты в этих краях. Они приехали сюда по просьбе Рустамбека, которого прибывшие ранее эмиссары вынудили вызвать себе подмогу, чтобы впоследствии уже через него прибрать эти края к своим и без того обширным владениям.

Когда они добрались до поместья, их расселили по комнатам, а лошадей разместили в огромной конюшне, специально освобожденной для такого случая. Коней же хозяина временно отвели на пастбище. Офицеры и солдаты увидели, что это была настоящая дворянская усадьба, ничем не уступающая богатым дворам русских помещиков. В доме было восемнадцать просторных комнат. К усадьбе прилегал заповедник с разнообразными растениями, а также в нем водились различные звери и птицы.

Удивленные солдаты бродили по заповеднику и восхищались невиданными ими доселе архарами (**Архар – самка горного барана*) и маралами (**Марал – важенка, самка оленя*), фазанами и уларами (**Улар – горная индейка*).

Когда солдат пригласили на обед, их поразило внутреннее убранство комнат. На потолке были подвешены люстры, разукрашенные красивым орнаментом. Резные окна из ганча (**Ганч – среднеазиатский гипс*), называемые здешними людьми «панджара», пропускали ровный дневной свет и придавали помещению неповторимую красоту. Повсюду были развешаны ковры неопишуемой красоты со своеобразным орнаментом. На полу расстелены такие же ковры, а на них мягкие одеяла и по двум краям маленькие подушки, чтобы подложить под руки.

– Проходите в диванхану (**Диванхана – зал для собраний*), – пригласил гостей слуга, по-видимому, исполнявший в доме обязанности эконома.

Все удивляло и восхищало гостей, но они также были предупреждены, что с туземцами нельзя особенно расслабляться. Восточное коварство и вероломство приписывалось и музтерцам, подводя солдат к мысли, что скоро им придется вытеснять этих самых доброжелательных и гостеприимных хозяев с этой территории, чтобы самим завладеть благодатными землями. Так было запланировано заранее, когда только появились в этих краях военные эмиссары, называвшие себя путешественниками и географами. Хотя они и имели крупные военные чины, вроде полковника и подполковника, тем не менее, все, переодетые в гражданскую одежду, делали вид, что изучают местность, его географическое положение, рельеф, фауну и флору, а другие – историю, этнографию, быт и уклад жизни. На самом же деле они все вели разведывательную работу с целью найти уязвимые места местных жителей, чтобы в дальнейшем натравить их друг на друга. Местность эта им нравилась тем, что это были действительно райские гущи, где горная прохлада сочеталась с палящей пустынной жарой; где за один день можно было увидеть все четыре времени года, спускаясь с ледяных вершин до жарких долин; где одновременно произрастали обильными лесами субтропические и континентальные фрукты и овощи, такие, как орех, виноград, инжир, гранат, хурма, яблоки, абрикосы, дыни, арбузы, в общем, все, чем могли похвалиться знойный юг и холодный север. А дичи и кабанов, горных баранов и косулей было видимо-невидимо, и в реках водилось столько рыбы, что когда люди переходили речку вброд на коне, они скользили и падали от их избытка.

Поэтому первые эмиссары, увидев все это изобилие, пришли в восторг и тотчас отправили депешу в Санкт-Петербург к самой императрице, чтобы та не медлила и приняла в свое подданство жителей этих краев, если только они появятся в приемной ее величества. А уж о том, чтобы музтерцы там появились, они позаботятся сами, так как для этого, писали они, здесь имеется множество причин и поводов. И они, будьте уверены, сделают все, чтобы в самом скором

времени ханы, беки или батыры (**Батыр – богатырь*) этих диких туземцев снарядили послов к своему великому соседу.

В соответствии со стратегическим планом сначала здесь появились татарские и башкирские муллы, которые имели много общего с местными музтерцами. Хотя внешне они были похожи на русских, зато религия и язык, и многие обычаи и традиции были похожи на музтерские. Они и приютившиеся прямо перед их прибытием дунгане и уйгуры, которым Цинская империя устроила у себя кровавую бойню, подготовили почву для принятия местными жителями русских как своих родственников.

Очень скоро различные роды начали ссориться меж собой, и дело иногда доходило до большой драки, а то и войны, чего раньше почти не бывало. Раньше, наоборот, все сорок родов в случае нападения на них внешних врагов выступали вместе, и только после отражения удара завоевателей, они расходились по родам в свои селения и города. А теперь, после прихода этих «путешественников, географов и историков» чуть ли не каждый месяц происходят ссоры между манапами, что, в свою очередь, ведет к войнам между различными родами. Музтерцы стали объединяться друг с другом, чтобы выступить против общего врага. И тогда одному из манапов бывший при его дворе татарский мулла (Орозкул точно знал, что это был именно мулла) подсказал, чтобы тот снарядил своих послов в далекую и, как оказалось, вовсе не соседнюю страну, чтобы заручиться ее поддержкой. Так расширились границы еще одной великой державы, притязавшей на главенство во всем мире.

Вообще, надо сказать, что вокруг Музтера к тому времени уже существовало несколько великих держав: помимо Российской империи, которая лишь недавно неожиданно усилилась, большую часть суши уже успела захватить Великая Британия и теперь стояла у южных границ Средней Азии. Кроме того, с Востока с вождением на эти земли смотрела Цинская империя, в любую минуту готовая направить туда свои войска и лишь опасаясь более сильных в военном отношении русских и британцев. Так что музтерцы из трех зол выбрали меньшее, и местный манап по имени Рустамбек обратился к царским чиновникам с просьбой принять его с 250 тысячами кибиток в свое подданство и покровительство. Но очень скоро он увидел, что те не столько спешат помочь ему, сколько торопятся прибрать себе в руки здешние земли с его древними рудниками и благодатными долинами, но было уже поздно. Пришельцы собирались надолго обосноваться здесь, что было видно по тому, как рьяно они ринулись осваивать все пахотные земли на равнине, а местных жителей стали сгонять в горные и малопригодные для обработки участки с целью их дальнейшего истребления.

И тут опять пригодились те самые «ученые мужи», которые стали убеждать весь мир и, в том числе, самих музтерцев, что они всегда были кочевниками, и им лучше жить в горах, где они пасли свой скот. Но привыкшие заниматься земледелием и ремеслами, горнодобывающей промышленностью и только изредка скотоводством музтерцы не сразу поддались на этот обман. Дехканин по имени Джанболот поднял восстание против колонизаторов и местных манапов, что привело к ответной реакции великодержавной военщины. В результате половина музтерцев была уничтожена, а другая половина бежала в чужие края, боясь карателей.

Они бежали в Кашгарию. Долго шли по неведомым местам, по незнакомым дорогам и тропинкам. Они переходили совершенно неизвестные им, высокие и труднодоступные перевалы с ледниками. Им пришлось перебираться через десятки больших рек и сотен горных речушек. Беженцам приходилось по несколько дней кряду ехать верхом на лошади или идти пешком по глухим и темным ущельям. Им пришлось преодолевать такие высокие и крутые перевалы, как Когур-Олан, Бедел, Ак-Огуз. И такой перевал, как Кызыл-Суу, где невозможно было свободно дышать из-за его высоты. Почти все эти перевалы и опасные пути пришлось проходить ночью, так как казаки днем их бы заметили на фоне белого снежного покрова. Остановки и передышки тоже не были возможными из-за погони — по следам беженцев шли царские войска. Этот переход в Кашгарию обошелся музтерцам чрезвычайно высокой ценой.

Особенно тяжелый был переход через перевал Бедел. Музтерцы сперва провели своих матерей и сестер вместе с вьючными животными по узкой тропинке. Тропинка эта обледенелая, скользкая, чуть засыпанная снегом, проходила по склону ледяной горы. Внизу зияла глубокая пропасть. Любой неудачный шаг по тропинке мог привести к гибели, что часто и происходило. Проводив благополучно матерей и сестер, они снова возвращались назад на помощь братьям, на полпути возившимся с быками, навьюченными скудным домашним скарбом. Проходя мимо обрыва, они видели, что внизу трепыхались сорвавшиеся и сползшие с тропинки верблюды, лошади, быки, а с ними вместе и люди. Шедшие следом беженцы уже шагали через них, опасаясь пройти через тропинку и наступая на упавших в ледяные ямы животных и людей.

Рев обезумевших животных, крики, плач и стоны людей слились в единое целое: одни плачут, другие зовут по именам может уже погибших или заблудившихся своих родных и близких, но большинство беженцев, уже не обращая на все это внимания, что есть сил бегут прочь из этого ада.

А сколько было случаев, когда выбившаяся из сил мать бросала на произвол судьбы у дороги грудного ребенка. Вдоль дороги по всему пути сидели или лежали завернутые в кошму беспомощные, дряхлые старики и старухи,

плакавшие и умолявшие каждого проходящего взять их с собой или, по крайней мере, оставить им хотя бы краюшку хлеба.

Музтерцев, во время бегства захваченных царскими войсками, беспощадно убивали, зверски издевались над женщинами, на глазах матерей и отцов насиловали девушек.

Густо устлав погибшим скотом и засыпав человеческими трупами несколько перевалов, музтерцы перешли в Кашгарию.

Но и там беженцев ожидало разочарование и страдания. Уйгуры, дунгане и китайцы на протяжении более двух тысячелетий мечтавшие об уничтожении музтерцев или их порабощении, не замедлили начать свое хищничество. К музтерцам отношение было зверским. Будучи беззащитными беженцами в глазах китайских властей, они вынуждены были последнее свое имущество, скот, жен и детей обменивать на хлеб и продовольствие. Они продавали не только скот, имущество, но даже своих жен и детей за чашку еды, а продажа девушек и женщин, вдов принимала массовый характер. С другой стороны, кочевые калмыки, те самые, которые когда-то мощным вихрем пронеслись по Музтеру, воспользовавшись беззащитностью музтерцев, напали на них, отбирая скот и женщин. Китайские таможенники с беженцев брали многократные пограничные налоги и взятки, подвергали их дискриминации. Китайские власти выживали музтерцев, не давая им поселиться на своей земле. И начался массовый, по тем же тропам, перевалам, ущельям, через снега, морозы, бессонные ночи, вой и нападения волков, возврат беженцев в покинутый родной край. Среди возвращавшихся из Китая свирепствовали заразные болезни, цинга, истощение, голодная смерть.

Гонимые со всех сторон беженцы возвращались обратно, но здесь на родине их ожидал следующий шаг сживания с земли, запланированный царской политикой: вернувшиеся назад музтерцы вместе с неуспевшими уйти в Китай подвергались расправе карательными отрядами царских войск и переселенцами-казаками. Ко времени возврата существовало новое правительство «керенщина», которое, не говоря уже о помощи беженцам, наоборот, поддерживало кулаков в отстреливании музтерцев. Туркестанский комитет временного правительства поддерживал охотничьи выезды кулаков для истребления беженцев. Считали за гордость называть, сколько убили местных жителей. Везде их встречала нескрываемая вражда, злоба переселенцев и расстрел карательных отрядов.

Увидев все это, все страдания своего народа, которые были навлечены им самим, Рустамбек понял, какую ошибку совершил он в жизни. Он каждый день молился богу, прося прощения за многочисленные свои грехи. Затем, поняв, что грехи его слишком велики и одними молитвами от них не отмоешься, переоделся в простую одежду, взял в руки посох путника и пошел странствовать по свету, в

пути нанимаясь пастухом или поливая людям воду на руки, стоя у уборной. И везде он просил у людей прощения и благословения. Говорили, что позже его видели на пути в Мекку...

А на его родине колонизаторы вытеснили музтерцев в горную часть, где невозможно было заниматься земледелием. Это был результат «добровольного вхождения» в более сильную страну.

Но, как говорится, бог не выдаст, свинья не съест: вспыхнувшая внутри самих русских революция заставила этот народ разделиться на два лагеря и воевать меж собой. И когда одна половина русских уничтожила вторую половину своих же собратьев и объявила всему миру о победе новой большевистской власти, музтерцы снова вернулись к своим домашним очагам.

Как раз тогда-то и началась эра Орозкула, оказавшегося заодно и в делах, и в помыслах с большевиками.

14

До революции в Музтере волостным был Каратай. Он был одним из грамотнейших людей своего времени: говорил и писал на шести языках, в том числе, и на языке тех самых русских, которые только что пришли в эти края и уже полностью управляли как землями, так и народом Музтера. Он прекрасно знал историю, философию, литературу и даже народную дипломатию, что помогало ему вести тонкую политику по отношению к властям, а также к народу. Помимо всего прочего Каратай также занимался различными науками, в частности, математикой, астрономией и медициной, продолжая тем самым традиции своих великих предков Бируни, Улугбека и Бабура, что также возвышало его в глазах простого люда.

Нелегко был путь Каратая к должности волостного – не было у него ни богатства, чтобы дать кому следовало на руки, ни знатных родственников, которые замолвили бы за него словечко перед вышестоящими. Только знание да ум, и ничего, кроме этого. А это богатство, как известно, не дает никаких привилегий на пути к власти, более того оно скорее мешает обрести в глазах власть предержащих то положение, что способствовало бы достижению высокой должности. Народ не любит образованных потому, что сам не может стать грамотным в силу своей лени и невежества, а аристократия не терпит их из-за боязни, что они могут впоследствии обойти их и отобрать у них власть.

Но Каратай был настолько кроток, что это его качество сильно нравилось одному из богатейших людей Музтера Минбаю. Тот в нем души не чаял и часто приглашал его в гости и советовался с ним в вопросах политики и религии. Молодой Каратай всегда ему давал такие мудрые советы, что Минбай не мог нарадоваться им, его находчивостью. А однажды богач даже предложил ему

выставить свою кандидатуру в волостные.

– Ну, что вы, уважаемый? – скромно возразил Каратай, делая вид, будто у него никогда и не было этой мысли. – Какой же из меня волостной? Мне до него расти и расти...

– Нет, ты уже вырос, – не согласился с ним Минбай. – Ты давно вырос до волостного. И если ты еще им не стал, так это из-за того, что у тебя нет достаточной поддержки. Но ничего, я буду твоим покровителем, и ты станешь волостным Музтера. Я даже особую тактику придумал, чтобы нам добиться цели...

– Что за тактика? – удивленно спросил Каратай, чувствуя, что наконец-то его день настает, но несколько не выдавая своей радости. – Вы мне расскажете о ней, если, конечно, это не секрет?

– Я тебе расскажу об этом только в том случае, если ты согласишься выставить свою кандидатуру, – однозначно сказал Минбай и уставился на молодого человека.

Тот не стал испытывать судьбу и согласился.

– Тогда слушай, – начал Минбай объяснять свою особую тактику. – Я оповещу людей о том, что мой сын Кулмат выставляет свою кандидатуру на должность волостного. Затем приглашу всех пять старшин на джайлоо (**Джайлоо – летнее пастбище*), где их хорошенько подготовлю, чтобы они отдали свой голос за Кулмата. А когда мой сын будет избран, я зайду к самому уполномоченному губернатора и объясню ему, что на должность волостного годишься только ты, и попрошу назначить тебя вместо Кулмата. Понятно?..

– Не совсем, – признался честно Каратай. – А почему бы в таком случае не оставить самого Кулмата волостным?

– Он не годится, – отрезал Минбай. – Он не способен управлять народом. А вот ты как раз годишься для этого.

– Спасибо на добром слове, уважаемый, но почему вы так печетесь обо мне даже в ущерб своему родному сыну?

– А потому, что я хочу, чтобы народом управлял умный и порядочный человек, – Минбай был готов к этому вопросу. – Пойми, наш народ измучился... Ему сейчас нужен хороший правитель, который понимал бы его нужды и мог быть выразителем его воли перед русскими. А для этого именно ты самая подходящая кандидатура: ты хорошо знаешь их язык, умеешь ладить одинаково со всеми, народ тебя уважает и любит... И сейчас от тебя требуется лишь согласие...

Минбай замолк, выжидая, что скажет Каратай.

– Я согласен, — был ответ. – Готовьтесь к выборам...

На том и порешили. Минбай за короткое время сделал много важных дел. Он

даже сосватал сыну дочь другого богача округа, за которым пойдет целый род. Целых три месяца гостили у него на даче все пять старшин Музтера. Под предлогом, что в волостные будет выдвигаться его сын, привлек своего младшего брата, тоже богача, к предстоящим выборам. Наконец, решающий день настал. Со всех концов в Музтер стекались люди, кто на коне, кто пешком, кто по двое, по трое, а кто и в одиночку. Хотя в конечном результате считались лишь голоса старшин, однако весь народ уполномочивал их на этот выбор. И потом этот день для народа был праздником, – кто откажется от хорошего угощения за счет избираемых.

И вот праздничная часть выборов закончилась, и старшины сели голосовать. Каждый из них бросил свой камень в сумку, сделав окончательный свой выбор. Народ замер в ожидании. Начался подсчет голосов. Избираемые тоже замерли в напряжении. Только уполномоченный губернатора мог решить, состоялись выборы или нет.

Минбай каким-то своим путем разузнал, что победил его сын, и он стал немедленно искать ход, чтобы пробраться к уполномоченному. И он нашел этот ход. Надо было дать в лапы этому уполномоченному. Когда уполномоченный обратился ко всем с вопросом, нет ли пожеланий или замечаний, Минбай поднял руку и выкрикнул:

– Есть, ваше превосходительство!..

Хотя уполномоченный и не был его превосходительством, это обращение ему все равно понравилось. Он тотчас расспросил стоявших рядом людей о том, что это за человек и стоит ли давать ему слово. Убедившись, что тот богатый и уважаемый человек в округе и с ним нужно считаться, уполномоченный пригласил его выйти и высказаться.

А Минбай, готовый дать взятку, имея при себе слиток серебра, решил так: он при рукопожатии с уполномоченным всунет ему в рукава этот слиток. И если тот приподнимет руку, чтобы не уронить его, то он победил, а если нет... Минбай не хотел сейчас думать об этом, и он решительно шагнул вперед навстречу к уполномоченному. Подойдя вплотную, он протянул руку в знак приветствия и незаметно всунул слиток серебра в рукава высокому гостю. Уполномоченный не растерялся и тотчас приподнял руку вверх. Обрадованный Минбай понял, что победа за ними.

– Так что же желает сказать уважаемый? – теперь уже почтительно спросил уполномоченный.

– Ваше превосходительство, – решительно обратился Минбай к высокому гостю. – Я хотел бы поговорить с вами наедине...

Уполномоченный слегка смутился: во время выборов ответственным лицам не допускалось шептаться с кем бы то ни было. Но, учитывая, что здесь особый

случай, и перед ним находятся «нецивилизованные» люди, он согласился поговорить с богачом наедине.

В помещении Минбай полностью изложил свою просьбу, и после этого они снова вышли к народу. Люди с нетерпением ожидали окончательного решения, и уполномоченный, слегка покашливая, объявил итоги голосования, а в конце заключил:

– Таким образом, новым волостным избран... Каратай, сын Нарынбека...

Народ сначала не понял подвоха и жидкими аплодисментами встретил это сообщение, но когда, наконец, уловил суть, разразился всеобщим ликованием. В действительности, народ уважал Каратая за его мудрость и знания, за его честность и порядочность. Правда, именно эти качества и сгубили его позже, когда совестливый Каратай отказался помогать царским сатрапам и их приспешникам при разграблении музтерцев.

Переселенческое управление царского правительства все больше и больше земель захватывало у местных жителей, чтобы передать в дальнейшем их кулакам и казакам, а самих музтерцев загоняло все дальше и выше в горы, где невозможно было ничего посеять. Так колонизаторы постепенно выживали коренных жителей, оставшихся после истребления карательными отрядами. Видя все это, Каратай, конечно же, не мог спокойно смотреть на то, как его собственный народ гибнет на глазах. Он несколько раз писал генерал-губернатору Кауфу, обращая его внимание на то, что жителей Музтера загоняют в предгорные и горные участки, где их ждет верная гибель, но его голос так и не был услышан. Тогда Каратай пошел на хитрость и обложил переселенцев непомерным налогом, чтобы те не слишком зарились на чужие земли и отказались от уже имеющихся. Переселенцы тотчас засыпали стол губернатора жалобами на местного правителя. Они его называли не иначе, как «удельный хан», «выскочка» и «враг народа»... А ведь мы тоже многих называли врагами народа...

Царский генерал стукнул кулаком о стол и приказал вызвать Каратая в столицу губернии, чтобы наказать его. Но Каратай отказался подчиняться приказу и никуда не поехал, так как понимал, что его казнят, если только он окажется в их руках. Тогда генерал приказал привести сына Каратая, который учился в школе в городе, и велел повесить его вместо непокорного отца.

Много людей собрали на площади, чтобы показать местному населению, как беспощадны бывают царские власти по отношению к ослушавшимся. В центре площади установили виселицу и туда привели закованного в цепи сына Каратая. Народ безропотно молчал, хотя со скрытой ненавистью смотрел на происходящее. Позже именно они и составили костяк повстанческого движения, которое большевики позже назвали басмаческим.

Когда ударили в барабаны, сновавшие вокруг люди на площади тотчас

замолкли, напряженно всматриваясь в лицо осужденного и пытаюсь разглядеть в нем черты его отца, посмеявшегося не подчиниться захватчикам. Перед ними стоял безусый, бледный юноша, мало похожий на кровожадного убийцу или грабителя, каких немало вешали здесь с незапамятных времен. Барабанная дробь прекратилась, и зачитали приказ губернатора, где его расписали как злодея, разбойника и бунтаря. После этого юношу подвели к эшафоту и надели на шею петлю. Осужденный неожиданно вдохнул воздуха в легкие и, воспользовавшись тем, что люди на миг затаили дыхание, выкрикнул в сторону толпы, обращаясь неизвестно к кому:

– Господи, как мне быть?.. Что мне делать, отец?..

– Гляди смерти в лицо, сын мой! – раздалось из толпы. – И никогда не бойся!..

Среди кишачей толпы находился и сам Каратай, переодевшись в лохмотья и изменив внешность пробравшийся в город тайно ночью. Люди с шумом стали озираться по сторонам, ища того, кто произнес эти слова. А жандармы тотчас бросились искать опального волостного, расталкивая людей и пролагая себе путь туда, откуда им послышался голос. Но того и след простыл, как будто улетучился куда-то. А народ понял, и захватчики поняли, что такого человека нелегко будет сломить и заставить сдаться властям.

После гибели сына Каратай сразу постарел: лицо его стало печальным, глаза грустными; он больше не улыбался, и только иногда ироническая усмешка проскальзывала в его застывших устах.

Каратай теперь уже открыто боролся против коварных и жестоких завоевателей; он беспощадно изгонял из Музтера переселенцев и воевал с казаками. Благо ему помогало Кокандское ханство, поддерживая сарбазами (**Сарбаз – кавалерист Кокандской армии*) и оружием. Каратай собрал всех местных стрелков, расставил их по ущельям, через которые только и можно было проехать в эту долину, перекрыл горные перевалы, чтобы не пропустить ни одного казака из отрядов завоевателей, пытавшихся проникнуть в Музтер с севера и запада. Юг и юго-запад прикрывали кокандские сарбазы во главе со своим сардаром (**Сардар – командир*). Они, укрывшись в древней крепости, единственной сохранившейся со времен Мийан-Рудана (**Мийан-Рудан – Междуречье, средневековое государство*), служили тылом, прикрывавшим на всякий случай подходы через горные отроги. Основные позиции занимали стрелки Музтера, перекрывшие ущелья реки Муш и отстреливавшие всякого, кто появлялся на горизонте у перевала Давань. Эти места славились своими алыми маками, которые, как говорили местные жители, обильно выростали после продолжительных кровопролитных сражений, кои время от времени происходили

здесь. Вот и теперь, по-видимому, здесь ожидалась тяжелая битва, ибо в этом году, как и в предыдущие годы, плато чернело без цветов и требовало себе свежей крови, чтобы вновь вспылать множеством алых капель.

И однажды огромная махина царской армии двинулась в сторону перевала Давань. И как тысячу лет назад крохотное войско музтерцев преградила ей путь в долину. И сошлись воины на горном перевале. И царская армия палила из пушек и винтовок, а музтерцы защищались редкими, но меткими выстрелами из своих ружей с фитилями. И гибли люди, как с одной, так и с другой стороны, но иссякали силы у музтерцев, ибо их было так мало. И казаки прорвались в тыл к горцам и секли их саблями, и лилась кровь огромным потоком по ущелью, и брызги ее рассыпались по Долине Алых Маков, и уже в следующую весну там взошли тысячи и тысячи цветов, обогранных кровью убиенных...

Завоеватели заняли долину, но Каратай с горсткой своих верных соратников укрылся в пещере, куда никто не смел даже заглянуть. У него там предусмотрительно были припрятаны еда и оружие на случай поражения. Прошел год, второй, а Каратай как сквозь землю провалился. Так и прятался Каратай со своими людьми до самой революции, пока в Музтер не пришли красноармейцы и не установили Советскую власть.

(Внимание! На сайте размещена только часть текста романа)

© Турусбек Мадылбай., 2008. Все права защищены
Произведение публикуется с письменного разрешения автора

Оставить отзыв / Читать отзывы
(4)

Количество просмотров: 732